HARLEQUIN
037
Энни Берроуз
Невеста
для сердцееда
исторический роман

Энни Берроуз

Невеста для сердцееда

Серия «Исторический роман – Harlequin», книга 37

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6494392
Невеста для сердцееда: Центрполиграф; М.:; 2013
ISBN 978-5-227-04751-9

Аннотация

Влиятельный надменный аристократ лорд Дебен, известный распутник и повеса, для продолжения своей блистательной родословной намерен жениться и делить ложе с избранницей лишь до первенца. Из подсовываемых ему жеманных кандидаток он обратил внимание на невинную дебютантку последнего светского сезона Генриетту Гибсон. Но, рассчитывая на легкую победу, был глубоко разочарован: девушка оказалась с волевым характером и отлично понимала, что следует держаться подальше от мужчины с его репутацией… Однако одно прикосновение его губ – и она стала безвозвратно потерянной для всех других мужчин. Вот почему, даже если тысячная часть слухов о лорде Дебене правда, ее достаточно, чтобы ни при каких обстоятельствах не доверять распутнику…

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 14
Глава 3 22
Глава 4 31
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Энни Берроуз
Невеста для сердцееда

Глава 1

Черт побери, он знал, как нелегко придется, но не представлял, что все эти люди окажутся столь предсказуемыми.

Лорд Дебен вышел на террасу, совершенно безлюдную из-за моросившего дождя, прошагал прямиком к каменной балюстраде и, устало опершись о нее, сделал несколько глубоких глотков ночного воздуха, не отравленного ароматом духов, запахом пота и свечного жира.

Хозяйка сегодняшнего приема, леди Твининг, первой повела себя именно так, как ожидалось. У нее едва глаза из орбит не выскочили, когда она узнала мужчину, на руку которого опиралась вдовствующая леди Далримпл. Прежде ему лишь раз доводилось присутствовать на балу – четыре года назад. То был прием в честь его сестры, блестящее событие, хозяином которого стал он сам. Он понимал недоумение леди Твининг, с чего это ему вдруг вздумалось сопровождать леди Далримпл, эту поборницу хороших манер, на столь неинтересное мероприятие, да еще в доме, ничего общего не имеющем с привычным для него пикантным кругом общения.

Пока они медленно поднимались по лестнице, леди Твининг напряженно решала дилемму, созданную его появлением. Едва ли она осмелится не принять его, ведь сама же отправила его крестной приглашение, а он выступал в качестве ее сопровождающего. Тем не менее очень хотелось указать ему на дверь! Ясно, что позволить ему присутствовать на балу, где собралось множество благородных девиц, равносильно тому, чтобы открыть дверь курятника перед лисицей.

Но ей не хватало мужества высказаться прямо. Когда подошла очередь приветствовать его, она произнесла лишь общие фразы о том, какая честь для нее принимать его у себя, она и не чаяла, что такой высокородный лорд почтит ее своим присутствием…

В действительности последние слова вслух сказаны не были, но подразумевались. Визит самого настоящего графа – большая удача, значительно превосходящая потенциальную опасность, которую он представлял для морального облика общества.

При мысли о гостях на этом балу губы лорда Дебена скривились в презрительной усмешке. Все они делились на две группы. К первой относились те, кто в его присутствии хлопотал и кудахтал, подобно встревоженным курам, спешащим на защиту своих драгоценных цыпляток, а ко второй те – тут он поморщился, – кто преследовал корыстные цели.

Он чувствовал на себе взгляд их глазок-бусинок, следящих за каждым его шагом, улавливал обрывки приглушенных предположений. Зачем он здесь? Да еще с леди Далримпл? Уж не признак ли того, что в этом сезоне он намерен наконец исполнить свой священный долг и выбрать жену?

Эти амбициозные людишки тут же принялись отталкивать друг друга локтями, подсовывая ему, каждый свою, жеманную кандидатку, несмотря на ничтожную вероятность того, что самый известный распутник и повеса решил-таки оглядеться по сторонам в поисках женщины, которая стала бы его графиней.

Их догадка оказалась верной, но притязания от этого не становились менее отталкивающими. Собственно, именно поэтому графу придется посещать подобные приемы, мужественно терпя пресную болтовню, именуемую здесь светской беседой, неловкие манеры, а порой и прыщавые лица. Только женившись на девушке, которая еще вчера сидела за уро-

ками в классной комнате, мужчина может быть точно уверен, что станет отцом, по крайней мере первенца. Для лорда Дебена продолжение блистательной родословной – задача первостепенная.

Непонятно другое: неужели эти люди полагали, что он сделает предложение первой же встреченной девушке на первом же светском вечере, коль скоро он действительно принял решение покориться участи, уготованной ему по праву рождения?

Отклонившись назад, граф подставил лицо под струи дождя, которые, хотя и охладили кожу, не могли заглушить горечь, подступавшую к горлу. Это вообще невозможно.

Если только… Ему в голову пришла совершенно фантастическая мысль, пригвоздившая к месту. К чему кого-то выбирать из толпы бледных, сгорающих от желания молодых девушек? Отчего бы не сделать предложение той из претенденток, выставляемых перед ним напоказ, точно племенных кобыл на аукционе лошадей в «Таттерзоллз», которая первой попадется на его пути? В таком случае он быстро и безболезненно положит конец своему незавидному положению.

Что ему стоит пожертвовать годом жизни? Всего-то и нужно объявить о предстоящем бракосочетании, выдержать нелепую церемонию, спать с женой до тех пор, пока не будет точной уверенности, что она в положении, в надежде, что родится мальчик. После чего спокойно вернуться к беззаботному существованию, а его жена будет…

Лорд Дебен резко втянул носом воздух и снова опустил голову, представляя, чем может заняться его супруга, оставленная без присмотра.

Да абсолютно всем. Уж кому-кому, а ему точно известно, на что способны молодые замужние женщины в поисках сексуальных приключений.

Нетерпеливо вскрикнув, он вынул из кармана жилета часы и повернулся так, чтобы свет из окон бального зала попал на циферблат. Брови недоверчиво поползли вверх. Неужели он провел в этом доме всего лишь тридцать минут?

Возможно, пройдет несколько часов, прежде чем леди Далримпл пожелает уйти. Она непременно захочет посмотреть на танцы, обменяться сплетнями со своими подругами и поужинать.

Видно, ничего не поделаешь. Губы лорда скривились от неприязни. Раз ему все равно придется как-то убивать время, отчего бы не заняться решением проблемы женитьбы, сделать это как можно быстрее и лучше? Что ж, надо вернуться в бальный зал и пригласить первую попавшуюся девушку на танец. Если она согласится, а он не сочтет ее внешность невозможно отталкивающей, потом отыщет ее отца и сразу перейдет к делу.

Вот так эта гнусная треклятая ситуация и будет разрешена. Ему даже не представится случая всколыхнуть высшее общество, провозгласив о своем намерении, как и вступить в эту бездну адову, именуемую «Олмак».[1]

Убрав часы обратно в карман, Дебен не шелохнулся, будто ноги приросли к полу. Его взгляд был устремлен вперед.

Даже если неизвестная пока девушка, с нетерпением ожидающая где-то в доме, ему и не понравится, не имеет значения. Во всяком случае до тех пор, пока он несколько раз разделит с ней ложе, чтобы зачать наследника. Если у него не возникнет к ней симпатии, значит, не в ее силах будет причинить ему боль, унизить. Тогда он сможет наблюдать за ее любовными похождениями на стороне с тем удивленным безразличием, присущим всем мужьям, которые на протяжении многих лет не без помощи Дебена обзавелись рогами. Эти скучающие неудовлетворенные женщины активно ищут себе молодых энергичных любов-

[1] Социальный клуб в Лондоне для аристократов, существовавший в период с 1765 по 1871 год, куда допускались и мужчины, и женщины.

ников, способных добавить в их жизнь пикантности, отсутствующей в браке, основанном на расчете и чувстве долга.

При таком равнодушном отношении он даже сумеет терпеть ее незаконнорожденных отпрысков, относиться к ним по-доброму, не обзывая ублюдками прямо в глаза. А они станут считать друг друга братьями и сестрами, заботиться и поддерживать друг друга, вместо того чтобы…

Звуки музыки из бального зала резко выдернули его из мрачной бездны, в которую он погружался всякий раз, когда посещали случайные мысли, связанные с детством.

Он медленно развернулся, раздосадованный тем, что кто-то посмел нарушить его уединение, и был несказанно удивлен, разглядев женский силуэт, обрисовавшийся в дверном проеме, ведущем в дом.

– Ой, лорд Дебен! – ахнула девушка и поднесла руку ко рту драматичным жестом, имитирующим, как он цинично решил про себя, удивление. – Вот уж не думала встретить здесь кого-то еще, – молвила она, обводя взглядом террасу.

– В самом деле, с чего бы это кому-то взбрело в голову осмелиться на такой шаг при столь ужасающей погоде?

Ничуть не смущенная его сухим тоном, она, хихикая, сделала пару шагов вперед.

– Мне не следует находиться с вами наедине, не так ли? Мама говорит, вы опасный человек.

Теперь, когда она подошла ближе, Дебен увидел, что она довольно мила. Тонкие черты лица, чистая кожа, дорогой модный наряд. Этой девушке не привыкать к мужскому вниманию, судя по тому, как приосанилась она под его ленивым оценивающим, если не сказать высокомерным, взглядом.

– Ваша мама права. Я действительно опасен.

– А я вас не боюсь, – возразила она, направляясь к нему плавной походкой. Она подошла так близко, что он ощутил аромат ее духов. Ее дыхание было тяжелым и восторженным. Она немного нервничала, но преимущественно испытывала воодушевление. – Вы никогда не охотились за целомудренными девушками, – объявила она с придыханием. – Ваши взгляды всегда были обращены на молодых замужних дам или вдов.

– Вашей маме следовало бы предупредить вас о том, что никогда не следует обсуждать с каким бы то ни было мужчиной его amours.[2]

Она осведомленно улыбнулась и промурлыкала, кладя ладонь на отворот его фрака:

– Но, лорд Дебен, уверена, вы хотите, чтобы ваша будущая жена понимала подобные вещи. Быть понятым…

Он схватил ее руку и отвел подальше от себя, преисполнившись глубоким инстинктивным отвращением.

– Напротив, мисс, это совсем не то, чего я хочу от будущей жены.

Бесполезно. Как оказалось, он похож на своего отца много больше, чем привык считать. Даже если приложит максимум усилий, чтобы не влюбиться в собственную супругу, мысль о том, что она может оказаться понимающей и станет поощрять его холостяцкое поведение, чтобы и самой насладиться радостями любви на стороне, ненавистна.

– Вам бы лучше вернуться в бальный зал. Как вы сами верно заметили, не подобает находиться наедине с таким человеком, как я.

Девушка надула губки.

– Глупо с вашей стороны проповедовать благочестие, когда всем известно, что у вас его нет ни на гран.

[2] Любовные похождения (*фр.*).

Затем она быстро – так быстро, что застигла графа врасплох, – обвила его руками за шею.

– Черт побери, что вы задумали?

Он попытался высвободиться, даже сумел оторвать от себя одну ее руку, но девушка отбросила веер, высвободив вторую руку, которой вцепилась в него более интенсивно. Когда Дебен отступил на шаг назад в попытке ускользнуть от цепких рук, она прильнула к нему еще теснее и подалась следом.

– Отпустите меня, нахалка, – прорычал он. – Не знаю, чего вы добиваетесь, бросаясь на меня подобным образом, но…

Тут раздался вскрик, двери распахнулись, и на террасу хлынул свет из бального зала. Девушка, столь настойчиво льнувшая к нему, вдруг резко затихла, прижавшись к его щеке своей.

– Лорд Дебен! – К нему, скрежеща зубами от негодования, спешила крепко сложенная матрона. – Сию секунду отпустите мою дочь!

Его руки все еще лежали на талии девушки, хотя он и пытался оторвать ее от себя. Она издала негромкий стон и театрально изогнулась назад, будто собиралась упасть в обморок. Видя это, он инстинктивно поддержал ее. Одна часть его сознания с радостью подстрекала позволить девушке шлепнуться на выщербленный плиточный пол террасы, к тому же мокрый, другая же часть увещевала, что, поступись он этим жестом вежливости, лишь создаст себе дополнительные проблемы.

В любой момент кому-нибудь еще может взбрести в голову выйти на свежий воздух, и какое зрелище предстанет его глазам? Зловещий лорд Дебен склоняется над распростертым на полу телом невинной девушки, шокированной и почти поруганной. Или зловещий лорд Дебен стоит, сжимая в объятиях бесчувственную девушку, которую пытался соблазнить? Не стоит забывать и о кипящей гневом матери, требующей отпустить дочь.

Какую бы из живописных картин случайно забредшие на террасу люди ни увидели, результат тот же. Ему придется жениться на этой маленькой нахалке, чтобы спасти ее репутацию.

Никогда в жизни Дебен не был так взбешен. Его загнали в ловушку, которую распознал бы даже зеленый юнец! Да еще и при первом вступлении в мир так называемых невинных девиц! Как же это он недооценил хищную природу женщин? Полагал, что внешне неотличимые друг от друга девушки в белых платьях, порхающие по бальному залу, всего лишь безвкусные безмозглые дурочки. Однако эта оказалась очень сметливой. И амбициозной. Дебен был самым богатым молодым титулованным мужчиной, которого ей удалось бы заполучить в рамках ее, как он догадался, ограниченного социального круга. И она безжалостно усыпила его бдительность и скомпрометировала. Ей дела нет до того, что он за человек. Также она нимало не беспокоилась о том, что собирается вступить в брак с мужчиной, не способным, как она полагала, на сохранение супружеской верности, и сама заявила, что намерена относиться к этому с пониманием.

Ситуация усугублялась ее неведением того, что он в самом деле вознамерился обзавестись супругой. Для нее он всего лишь скандальный повеса.

Тем не менее она безжалостно решилась заманить его в западню.

Поистине коварная, жестокая и совершенно аморальная девица. Дебен подумал о том, что его матушка, будь она еще жива, распознала бы в ней родственную душу.

– Происходящее здесь совершенно очевидно, – констатировала мать девушки, выпрямляясь во весь рост, и, как он ожидал, заявила: – Вы просто обязаны исправить сложившуюся ситуацию.

– То есть предложить ей стать моей женой? Вы это имеете в виду?

Да, он это сказал, нимало не заботясь о том, что эта старая метелка сочтет его невежливым. Он оторвал от себя ее цепляющуюся за него дочь с такой решимостью, что она, проковыляв несколько шагов к матери, схватилась за нее, чтобы не упасть.

Неужели он всерьез обдумывал идею сделать предложение первой же попавшейся девушке? Да он, похоже, совсем рассудка лишился. Жениться на создании, подобном этому. Поистине история, сделав еще один виток, повторится вновь, и он никогда не сможет быть до конца уверен, кто отец детей, которых ему придется обеспечивать.

Опершись о балюстраду, Дебен скрестил руки на груди. Он совсем было собрался объявить, что никакая сила на земле не заставит его дать свое имя этой девушке, когда раздался еще один голос:

– Ох, пожалуйста! Все совсем не так, как кажется на первый взгляд!

Все трое повернулись к дальнему концу террасы, скрытому в тени, откуда донесся голос.

Дебен различил худенькую женскую фигурку, вынырнувшую из-за двух огромных керамических горшков с растениями, где до этого она, несомненно, пряталась.

– Во-первых, – произнесла все еще находящаяся в тени девушка, наклоняясь, чтобы высвободить подол платья, который застрял в чем-то невидимом взгляду Дебена, – я все это время находилась здесь, так что мисс Уэверли ни на секунду не оставалась одна с лордом Дебеном.

Высвободив платье, она выпрямилась и зашагала к ним, но замерла на границе островка света, в котором стояли эти трое, будто бы не желая полностью выходить из тени. Тем не менее Дебен заметил, что край обязательного для девушек белого платья испачкан мхом, а в кудрявых спутанных волосах, струящихся по худеньким плечам, запутались несколько сухих листьев.

– Что ж, это, конечно, очень хорошо, – воскликнула возмущенная мать расчетливой мисс Уэверли (теперь Дебен знал имя девушки). – Но как моя дочь оказалась в его объятиях?

Мисс Уэверли все еще цеплялась за мать с видом трагической актрисы, но на ее хорошеньком личике появились первые признаки тревоги.

– Дело в том, что она… – Взъерошенная девушка заколебалась, бросила быстрый взгляд на встревоженную мисс Уэверли, затем расправила плечи и воззрилась прямо в глаза матроны. – Она уронила веер, а потом… как бы это сказать, натолкнулась на лорда Дебена, который, естественно, не позволил ей упасть.

Девушка изложила последовательность событий так, что вся история вдруг предстала совсем в ином свете. При этом она не солгала. Рассказ вышел на редкость складным.

Дебен оторвался от балюстрады и, сделав пару шагов, наклонился и поднял лежащий на полу веер.

– Ни один джентльмен, – произнес он, следуя примеру девушки, которая почему-то казалась ему воплощением осени, – даже с такой запятнанной репутацией, как у меня, не позволил бы столь нежному созданию упасть.

С этими словами он церемонно вернул веер мисс Уэверли, лицо которой оставалось совершенно неподвижным.

Граф не имел представления, с чего это духу осени вздумалось разрушать тщательно обдуманный план мисс Уэверли, но определенно не собирался отказываться от такого подарка.

Мать мисс Уэверли задумчиво взирала на неровные края влажной напольной плитки.

Взгляд мисс Уэверли метался между Дебеном и девушкой, вышедшей из тени. Граф представлял, как напряженно работает сейчас ее мозг. Ведь ничего непристойного этой ночью на террасе не произошло.

– Сэру Хамфри следовало бы уделить больше внимания этим плиткам, вы не находите? – Он холодно улыбнулся девушке, пытавшейся скомпрометировать его. – Пока они не довели кого-нибудь до беды. Но я по крайней мере рад тому, что вы не пострадали во время сегодняшнего маленького происшествия.

Она вскинула подбородок, смерив Дебена гневным взглядом.

Ее мать приняла поражение более достойно.

– Что ж, теперь я понимаю, что тут на самом деле произошло. Благодарю вас за помощь моей дочери, милорд. Хотя ума не приложу, как она вообще оказалась в компании мисс Гибсон. Эта девушка нам не ровня. Совсем нет.

С этими словами матрона наградила запачканную нимфу презрительным взглядом.

Дебен задался вопросом, в самом ли деле девушка подавила желание нырнуть обратно за декоративные вазы для растений, или ему это только показалось?

– Также я не понимаю, когда это моя дражайшая Изабелла умудрилась с ней сблизиться. В самом деле, дитя мое, – проворковала она, обращаясь к дочери, которая угрюмо дула губки, – мне сложно представить, что заставило тебя сопровождать эту девушку на террасу, ты могла запачкать платье или подхватить простуду. Ради всего святого, – добавила она, напускаясь уже на злополучную мисс Гибсон, – как тебе удалось убедить мою дочь пойти сюда? И что это ты задумала, спрятавшись за цветами и оставив Изабеллу наедине с джентльменом? Неужели не понимаешь, как вопиюще неправильно подобное поведение? И как эгоистично?

Дебену стало интересно, сумеет ли мисс Гибсон ответить на этот шквал вопросов. У него тоже возник ряд вопросов по делу, особенно принимая во внимание то, что он знал, как все было на самом деле.

Например, почему мисс Гибсон не воспользовалась шансом разоблачить расчетливую мисс Уэверли, раз уж набралась мужества идти той наперекор. Ее интерпретация грязных интриг была столь непогрешима, что той удалось выйти сухой из воды, не подмочив репутацию. Дебен, однако, понимал, что не беспокойство о репутации мисс Уэверли подвигло мисс Гибсон на решительные действия. Она вышла из укрытия до того, как он успел объявить, что не намерен давать свое имя этой девушке, какие бы небылицы она ни сочиняла. Его репутация и без того уже чернее черного, и терять ему нечего. А вот девица Уэверли наверняка получила бы по заслугам, если бы им с мамашей вздумалось, условно говоря, скрестить мечи с человеком его ранга.

В сущности, мисс Гибсон оставалось тихонько сидеть за цветочными горшками, дожидаясь, пока они уйдут с террасы. Возможно, она действовала из дружеских побуждений, стремясь уберечь подругу от катастрофичного брака?

Нет, дело не в этом. Мисс Уэверли не выразила никаких дружественных чувств по отношению к девушке, которая посмела нарушить ее планы, она вообще не ожидала, что мисс Гибсон окажется здесь. Выйдя на террасу, она прежде всего осмотрелась по сторонам, а уж потом разыграла спектакль с целью скомпрометировать его. И пришла в ярость, когда мисс Гибсон выскочила из укрытия и помешала ей запустить коготки в графа.

В таком случае уж не враждуют ли они? Тоже нет. Судя по тому, что сказала мать, девушки едва ли принадлежат к одному социальному кругу. Значит, у них не было возможности ни подружиться, ни враждовать.

Тем не менее Дебен, рассматривая сложившуюся ситуацию, неизменно возвращался к одному и тому же неутешительному заключению: действия мисс Гибсон не были направлены против мисс Уэверли.

Значит, она хотела спасти его самого.

Снова откинувшись на балюстраду террасы и облокотившись на нее руками, он восхищенно воззрился на мисс Гибсон. Она не предприняла ни единой попытки защититься,

в то время как мать мисс Уэверли продолжала оскорблять ее. Девушка вообще, похоже, не замечала ни гневные тирады матери, ни ядовитые взгляды дочери, просто стояла перед ними с поникшими плечами, будто ей нет никакого дела до мнения окружающих. Казалось, она даже не до конца осознает ту злобу, что источала матрона.

Наконец мать мисс Уэверли произнесла:

– В самом деле, что можно ожидать от выходца из такой семьи, как твоя?

При этих словах с мисс Гибсон случилась весьма примечательная метаморфоза. Она вскинула голову и сделала шаг вперед, впервые оказавшись полностью освещенной светом, струящимся из окон бального зала. В ее длинных непослушных локонах переливались все краски осени: богатый каштановый с вплетенными в него нитями золотого и красновато-коричневого. Такой бывает опавшая листва. Она вдруг рассвирепела, ее гнев граничил с налетевшим невесть откуда ураганом.

– От каждого человека ожидается честное поведение, – молвила она. – Я пряталась здесь потому лишь, что не хотела, чтобы кто-то – и менее всего джентльмен – заметил, что я плакала.

В это Дебен вполне мог поверить. Мисс Гибсон не способна проливать слезы изящно. Она хлюпнула покрасневшим носом, несколько великоватым для ее утонченного лица. На щеках красовались пятна и полосы, которые подозрительно напоминали размазанные сопли.

Дебен еще более проникся уважением к ней за то, что она решилась обнаружить себя, вмешаться в дела двоих людей, которые не являлись ни ее друзьями ни – в его случае – даже поверхностными знакомыми.

– Этого следовало ожидать, – рявкнула матрона. – Тебе должно быть стыдно за себя, юная леди. Видишь, что случается, когда столь вульгарно даешь волю эмоциям? Ты не только ужасно выглядишь, но еще и поставила своим эгоистичным и своевольным поступком мою непогрешимую дочь в ситуацию, которую легко можно интерпретировать превратно!

Сжав кулаки, мисс Гибсон посмотрела на непогрешимую мисс Уэверли и сделала глубокий вдох. Она совсем было собралась раскрыть правду, которая нарушила бы безмятежный ход дебютного бала мисс Твининг, но тут на ее лице появилось разочарованное выражение.

Дебен решил, что она лишь сейчас поняла, что не может раскрыть всей правды, не скомпрометировав при этом себя. Именно так обычно и случается, когда женщина начинает плести паутину лжи. Всего один неверный шаг, и окажется, что сама уже безнадежно запуталась.

По крайней мере мисс Гибсон достало ума предвидеть такой исход событий. Вздернув подбородок и плотно сжав губы, она взирала на матрону в ледяном молчании.

Наблюдая за тем, как назревающий ураган разом успокоился, Дебен усмехнулся. Поистине, действо оказалось лучше любой театральной постановки.

К несчастью, именно в тот момент, когда он узрел в ситуации нечто смешное, мисс Гибсон посмотрела в его сторону и в ответ наградила убийственно мрачным взглядом, способным, казалось, заставить молоко свернуться.

– Что ж, – молвила матрона, не заметившая обмена взглядами, занятая успокаиванием пребывающей в смятении дочери, – вижу, твоим поступком руководила сердечная доброта, моя дорогая, но, как мне кажется, было бы лучше просто разыскать наставницу мисс Гибсон и предоставить ей право разрешить ситуацию.

Дебену удалось быстро справиться с удивлением от абсурдности этого замечания. Поведение мамаши практически не отличалось от столь же оскорбительного поведения дочери. Иначе говоря, юная девушка, расстроенная чем-то столь сильно, что предпочитает сбежать на террасу, поплакать в укромном уголке, получает строгий выговор. Какая неспра-

ведливость! Кто-то же должен утешить ее. Как бы то ни было, женщины не плачут столь горько в уединении без причины.

Дебен посмотрел сначала на мать, затем на мисс Уэверли и нахмурился.

Он не разделял ни женской способности сопереживать, ни сентиментальности, но, похоже, здесь являлся единственным, кто испытывал хоть малую толику сочувствия к растрепанной мисс Гибсон. Как бы то ни было, он ни за что не стал бы утешать ее лично, ибо в присутствии плачущей женщины всегда ощущал собственную беспомощность. Когда он, бывало, пытался утешить одну из своих рыдающих сестер, обычно начинал приводить рациональные доводы, отчего у бедных девушек случалась настоящая истерика.

Нет, мисс Гибсон требовалась сочувствующая женщина, наставница, о которой говорила мать мисс Уэверли, она уж точно знала бы, что нужно сделать.

Дебен оттолкнулся от балюстрады.

– Позвольте мне исправить ошибку, отыскав наставницу мисс Гибсон. Не соизволите ли назвать мне ее имя?

– Ах, – с презрительным смешком откликнулась матрона, – это некая миссис Ледбеттер. Смею предположить, вам она незнакома, милорд. Я вообще удивляюсь, как подобной женщине удалось заполучить приглашение на этот светский прием.

Дебен улыбнулся:

– Напротив. Некоторые посещают частные балы в надежде встретить людей, стоящих на более высокой, чем они сами, ступеньке социальной лестницы. Миссис Уэверли, я полагаю?

– Леди Чигвелл, – с притворной улыбкой поправила она.

– Леди Чигвелл, – повторил Дебен, отвешивая ей поклон.

Когда он выпрямился, его взгляд снова встретился со взглядом мисс Гибсон, и он подмигнул ей. Зря он надеялся, что втайне она почувствует себя польщенной. В ее глазах светилось лишь неодобрение.

Возможно, она не оценила поступка, совершенного им ради ее же блага.

– Мисс Гибсон, – произнес он, подходя к девушке и беря ее за руку, – могу ли я передать миссис Ледбеттер, что вы ожидаете ее здесь? – И, понизив голос, добавил: – Как она выглядит?

Мисс Гибсон часто заморгала. При ближайшем рассмотрении ее глаза оказались еще полны невыплаканных слез. Дебен нежно пожал ей руку, стараясь выразить этим жестом и свою благодарность и, к собственному удивлению, стремясь подбодрить девушку. На земле не нашлось бы другой особы женского пола – родственницы, конечно, не в счет, – которая могла бы похвастаться, что лорд Дебен выказал малейшее беспокойство о ее благополучии.

Но ни один мужчина, даже обладающий стойким иммунитетом к проявлению сочувствия, не смог бы не дрогнуть при виде мисс Гибсон. Она вышла на террасу, чтобы поплакать в одиночестве, а вместо этого оказалась вынужденной обнародовать свое душевное состояние и в довершение всего подверглась жестокой критике вместе со своей наставницей.

– У нее на голове пурпурный тюрбан, украшенный белым и фиолетовым страусиными перьями. Вы ее точно не пропустите. – Затем, выдернув свою руку, добавила более громко: – Думаю, будет лучше, если я в самом деле подожду ее здесь.

– Вот уж точно, – приторно-сладким голоском пропела мисс Уэверли. – Ты же не можешь в таком виде выйти в бальный зал. Тебе нужно как следует умыться, прежде чем снова показываться на людях.

Мисс Гибсон принялась поспешно вытирать щеки руками. К сожалению, ее перчатки были также сильно запачканы, поэтому результат получился еще более плачевным.

– Позвольте мне, – произнес Дебен, церемонно вынимая из кармана фрака белый шелковый платок со своей монограммой и протягивая ей.

– Благодарю вас, сэр.

Платок она взяла с большой неохотой, и Дебен решил про себя, что она отказалась бы, если бы не бедственное положение.

«Интересно, с чего бы это?» – подумал он. Если она питает к нему неприязнь, зачем тогда вообще пришла ему на выручку?

Мисс Гибсон тем временем от души и совсем не элегантно высморкалась.

А возможно, как она и сказала, ей просто не нравилось, что джентльмен увидел ее в таком состоянии.

Должно быть, его догадка верна.

Дебен развернулся, радуясь тому, что ее неприязненное отношение не относится к нему лично, и зашагал прочь с террасы обратно в бальный зал.

Он никак не мог отделаться от непонятного чувства сожаления по поводу того, что ничего не может сделать, чтобы облегчить страдания мисс Гибсон. В тот момент, когда над ним нависла угроза связать себя узами брака с существом, подобным мисс Уэверли, он осознал, что скорее умрет, чем позволит себе повторить судьбу отца, неудачно жениться. Чем больше он об этом думал, тем крепче утверждался в мнении, что мисс Гибсон вмешалась исключительно ради того, чтобы уберечь его от подобной незавидной судьбы. Не хотела допустить, чтобы кого-то против воли заманили в брачную ловушку.

Возможно, именно поэтому плакала. Из слов леди Чигвелл Дебен заключил, что она родом не из знатной семьи. Возможно, ее принуждают «удачно» выйти замуж, упрочить социальное положение семьи. Вероятно, именно поэтому она оказалась на этом балу, ее выставили на всеобщее обозрение, чтобы потом продать, точно рабыню на аукционе. Ему не представился случай увидеть девушку во всей красе, но ее юность и беззащитность уже служили достаточным основанием, чтобы заинтересовать нескольких знакомых ему мужчин, которые вознамерились в этом сезоне присмотреть себе жену. Так уж устроен мир. Джентльмены в годах, с деньгами и статусом, получали право выбрать себе в жены юную девственницу из тех, кто каждый год приезжает в столицу в надежде выйти замуж. А их семьи в буквальном смысле продают дочерей тем, кто предложит самую высокую цену, презрев собственные соображения по этому поводу.

Девушки же, которым отказано в праве голоса при выборе супруга, реализовывали это право, выбирая себе любовника.

Дебен обладал привилегией выбирать, которой лишены многие женщины. А он-то практически отказался от этой возможности!

Именно мисс Уэверли вывела его из апатии, едва не доведшей его до роковой ошибки. Представления Дебена о браке были столь циничны, что он едва не позволил судьбе все решать за него, уподобившись игроку, который подбрасывает монету, определяя свой следующий шаг. Он полагал, что лишь облегчит себе жизнь, если избавится от терзаний выбора. Ничего подобного. Брак, когда он уже заключен, представляет собой нерушимую связь. Нежелание сменить холостяцкий образ жизни на семейный ничуть не оправдывает его попустительского подхода к выбору невесты. Хотя лично для себя он не видел счастья в браке, ради блага своих будущих детей обязан был тщательно изучить характер женщины, которой суждено произвести их на свет. Сознательно он никогда не навязал бы детям мать, подобную его собственной. Или такую женщину, как мисс Уэверли.

Возможно, ей и удалось заставить его стряхнуть с себя фаталистический настрой, но преуспела она в этом потому лишь, что олицетворяла все женские пороки разом.

Дебен не испытывал к ней чувства благодарности. С другой стороны, вмешательство мисс Гибсон, каким бы бесполезным оно ни было, побуждало его как-то отплатить ей за беспокойство о нем. Никто прежде никогда не пытался уберечь его от чего бы то ни было.

Великий боже! Он замер на месте, испытывая неуместную радость от того, что его спасла девушка, находящаяся в бедственном положении.

Никто, даже наделенный самым живым воображением, не счел бы графа Дебена рыцарем в сияющих доспехах. Свои битвы он вел в палате лордов, а не на турнирах, и сражался бьющими точно в цель словами, а не копьем или булавой.

Дебен безотчетно обернулся, чтобы еще раз посмотреть на мисс Гибсон, и перехватил брошенный на нее ядовитый взгляд мисс Уэверли.

Он уже убедился, что эта девушка аморальна и безжалостна. И мисс Гибсон, хотя обладала значительной долей мужества, социально не защищена перед расчетливой Изабеллой и открыта для всевозможных нападок, которые, без сомнения, последуют при первой удобной возможности.

Дебен размышлял над тем, как он сможет отплатить мисс Гибсон за помощь в сохранении свободы. В его голове созрел план. На протяжении по крайней мере нескольких последующих недель он станет тайно присматривать за ней. Одному Богу известно, какой хитроумный план мести может зародиться в голове интриганки Уэверли.

Глава 2

Лондон, несколько дней спустя

Глядя из окна гостиной тетушки Ледбеттер на ряды домов на противоположной стороне улицы, Генриетта подавила вздох.

Слишком много зданий, жмущихся одно к другому, слишком много людей, наводняющих улицы, слишком много шума и суеты и, помимо всего, ужасающая мешанина запахов. Проведя в столице всего лишь месяц, девушка страстно желала снова оказаться дома в Мач-Уэйкеринге, где можно наслаждаться небесной синевой, пением птиц и ароматом цветов.

Из окна спальни ей было видно всего одно дерево, да и то если облокотиться на подоконник и как следует вытянуть шею. Одно несчастное чахлое деревце, казавшееся столь же неуместным в своем окружении, что и сама Генриетта.

– Что вы думаете о пьесе, мисс Гибсон?

Вздрогнув, Генриетта снова сосредоточила внимание на гостях тетушки. Точнее, на одной гостье, той самой, что пыталась вовлечь ее в разговор, которому она совсем не уделяла внимания. А она-то надеялась забиться в укромный уголок гостиной и этим избежать попыток завязать с ней беседу. Но миссис Криммер было не так-то просто сбить с толку.

– Пьесе? Ох, я, э-э-э…

Они ходили в театр прошлым вечером, и, пребывай Генриетта в добром расположении духа, представление бы ей понравилось. Но после дебютного бала мисс Твининг у нее в груди поселился холодный сгусток боли, который не смогли бы изгнать оттуда даже самые искусные клоуны. Помимо этого, девушку плащом окутала депрессия, заставляя видеть все в сером непривлекательном свете.

Лишь осознание того, что, проведи она в постели целый день, жалея себя, тем самым растревожив тетушку, неохотно поднимало ее по утрам. Миссис Ледбеттер, получив письмо от своего кузена – отца девушки, стала для Генриетты больше, чем просто наставница на этот сезон. Она взялась за дело с большим энтузиазмом и очень удивила Генриетту. Поначалу ее несколько оскорбляло, как тетушка Ледбеттер качала головой и прицокивала языком, наблюдая за горничной, распаковывающей вещи. Дело в том, что у Генриетты уже много лет после смерти матери не было родственницы, которая бы следила за ее гардеробом. Но чувство оскорбления очень скоро прошло, Генриетта обнаружила, что миссис Ледбеттер не только обожает ходить по магазинам, но и с неиссякаемым энтузиазмом и вкусом подбирает для нее цвета и фасоны. Если бы не она, девушка так никогда и не узнала бы, какое количество одежды и украшений требуется девушке. Более того, для нее были наняты специалисты, которые во многом ей помогли. В дом пришел friseur[3], чтобы подстричь и уложить волосы. Учитель танцев регулярно обучал танцам, о которых Генриетта всегда мечтала, но не имела возможности постичь.

Миссис Ледбеттер заботилась о ней изо дня в день. Организовывала выходы в театр или на выставки, брала племянницу с собой на музыкальные вечера и званые обеды, где представляла всем своим друзьям и знакомым, ничуть не чувствуя себя обремененной, имея при этом собственную дочь Милдред, которая уже начинала задумываться о поиске спутника жизни. Генриетту можно было бы рассматривать как ее соперницу, угрозу или обузу. Но ни мать, ни дочь не проявляли враждебности, напротив, приняли ее в свой круг с распростертыми объятиями.

Ради них Генриетта собрала волю в кулак и выдавила из себя слабую улыбку.

---

[3] Парикмахер (*нем.*).

– У нас в Мач-Уэйкеринге ничего подобного не было, миссис Криммер, – честно ответила она. – А тут я посмотрела один за другим ряд прекрасных спектаклей. Это было… э-э-э…

– Ошеломляюще, не так ли, дорогая?

Миссис Криммер – супруга одного из деловых партнеров мужа миссис Ледбеттер – сочувственно кивнула. Генриетта очень быстро открыла для себя, что люди, живущие в Лондоне круглый год, смотрят на провинциалов свысока, со смесью сожаления и презрения.

Если бы миссис Криммер заговорила с ней столь покровительственным тоном три дня назад, Генриетта непременно отпустила бы в ответ какую-нибудь колкость. Хотя не исключено, прикусила бы язычок, памятуя о перспективах Милдред. Мистер и миссис Ледбеттер питали надежду на то, что их дочь с благосклонностью примет ухаживания молодого мистера Криммера.

Генриетта перевела взгляд в противоположный конец комнаты, где этот молодой человек, покраснев от натуги, довольно смущенно говорил что-то Милдред, а та сидела со скучающим видом.

Возможно, дядя и тетя лелеяли надежды на брак дочери с этим скучным молодым человеком, с целью упрочить деловые отношения с Криммерами, сама же Милдред явно хотела от жизни большего. Она жаждала романтики.

Мисс Ледбеттер была достаточно красивой и вполне могла позволить себе подобные возвышенные устремления.

С золотистыми волосами, большими зелеными глазами и тонким маленьким носиком она напоминала ангела.

«Возможно, именно по этой причине они столь охотно приняли меня в своем доме», – уныло подумала Генриетта, которая нескладной фигурой и простоватым лицом точно не могла составить конкуренцию прекрасной кузине. Когда девушки вдвоем входили в комнату, мужчины обращали внимание только на Милдред.

Но это обстоятельство ни в коей мере не беспокоило Генриетту, она и не жаждала мужского внимания, желая, чтобы на нее обратил внимание только один мужчина.

Но даже он теперь находился для нее за пределами досягаемости. Три дня назад он наконец заставил ее признать, как глупо с ее стороны было преследовать его в Лондоне. И теперь вряд ли стоило обманываться в том, что где-то в глубине его души есть местечко и для нее.

Судя по тому, как он вел себя с ней, она ничего для него не значила. Протянув руку, она взяла печенье из вазочки, стоящей на столе между ней и миссис Криммер.

Генриетта думала о том, что застрянет в столице самое меньшее до конца июня, не в состоянии просто так ускользнуть домой. Особенно после того, что он сказал во время единственного визита к ней: «Тебе лучше жить в деревне, а не в таком шумном городе, как Лондон. Не удивлюсь, если очень скоро ты испытаешь неодолимое желание вернуться в Мач-Уэйкеринг».

Генриетте было больно признавать, что в какой-то степени он прав. Она в самом деле тосковала по деревьям и безмятежности сельской жизни, той дружественной атмосфере, когда все всех знают.

Но это вовсе не делало ее неотесанной деревенщиной.

Генриетта до сих пор находилась в шоке от того, что Ричард – ее Ричард, как она до сих пор мысленно его называла, – говорил с ней таким покровительственным тоном. Ведь она как-никак в Лондоне всего неделю и, вполне естественно, до сих пор взирала на город широко раскрытыми от восторга глазами. Но это вовсе не означало, что ей никогда не удастся стать частью замысловатого столичного высшего общества. Даже он приобрел налет городского лоска не сразу, а лишь спустя несколько посещений Лондона. Поначалу различие про-

являлось только в манере одеваться. Он выглядел чрезвычайно щегольски в одежде, сшитой лондонским портным, а его новая стрижка то и дело вызывала восхищенные вздохи окружающих. Его обычно непослушные кудри были укрощены и тщательно уложены, отчего веснушчатое лицо разом лишилось мальчишеской округлости. Он больше не походил на добродушно-веселого сына местного сквайра, превратившись именно в такого мужчину, каким, по мнению Генриетты, был мифический Парис, – столь прекрасным, что даже богини вступали из-за него в спор. Постепенно она ощутила в нем и внутренние перемены, начала испытывать неловкость, поскольку он все больше и больше отдалялся от нее. На последнее Рождество Генриетта особенно остро почувствовала ауру замысловатости, которой окружил себя Ричард. Он стал скучно-изыскан и больше ничем не напоминал грубоватого, но честного паренька, который много лет крутился у нее дома.

Разламывая печенье, она мрачно размышляла о том, что неплохо было уже тогда принять его отдаление как должное и избавить себя от унижения, которое она пережила на дебютном балу у мисс Твининг. Или распознать намек в рассуждении Ричарда о том, что ей лучше вернуться обратно в Мач-Уэйкеринг. Он не хочет, чтобы она находилась в Лондоне. Но она убедила себя в том, что его слова не более чем неловкое беспокойство о том, как она привыкает к новой обстановке. Ах, ну почему она такая глупая? Почему отказывается принять очевидное? Если бы Ричард действительно волновался о том, как она справляется, то вызвался бы лично сопровождать ее повсюду. Постоянно наносил бы визиты в особняк Ледбеттеров и старался оградить ее от столкновения с нежелательными особами, которых, как он предупреждал, много в лондонском обществе.

Теперь Генриетте это тоже известно.

Положив половинку печенья в рот, девушка пыталась успокоиться тем, что хотя бы никому не призналась в своих романтических чувствах к Ричарду.

К несчастью, домой Генриетта вернуться не могла, ведь если бы она заговорила сейчас об объезде, все немедленно бы заинтересовались причинами такой поспешности. А ей в голову не приходило ни единой вразумительной отговорки. Не могла же она заставить свою дорогую тетушку Ледбеттер чувствовать себя каким-то образом повинной в том, что племянница так несчастна. И уж конечно, Генриетта не собиралась никому рассказывать о том, как глубоко заблуждалась по поводу Ричарда. Возможно, ее сердце и покрылось шрамами, но по крайней мере гордость не пострадала.

В том-то и затруднение. Если бы она стала настаивать на возвращении домой, не открыв при этом истинной причины, все вокруг и в самом деле решили бы, что она испугалась жизни в столице.

Находясь перед выбором, признаться в собственной глупости, отправившись в Лондон за мужчиной, ее не любившего, или выставить себя слабоумной плаксой, которая не в силах уехать от приходской церкви более чем на пять миль, или храбриться и остаться в городе, потерявшем в ее глазах всякое очарование, Генриетта выбрала последнее. Она останется в Лондоне.

К тому же она очень многим обязана тетушке и кузине, особенно после постыдного отъезда с бала мисс Твининг. Увидев ее залитое слезами лицо, они были невероятно предупредительны. В карете по дороге домой хлопотали над ней, с пониманием относясь к ее мнимой головной боли. В действительности Генриетта ни разу в жизни не страдала от этого. Она никогда не солгала бы им, зная наперед, с какой серьезностью будут восприняты ее слова. Она-то думала, что тетушка и кузина погладят ее по руке и отошлют прилечь, как обычно поступали братья и отец.

Вместо этого тетушка Ледбеттер и Милдред отправились в комнату вместе с ней, принялись растирать ей виски лавандовой водой, напоили успокаивающим отваром из трав и

долго рассказывали смешные истории о том, как сами страдали от периодических женских болей.

Генриетта испытывала всепоглощающее чувство вины, особенно потому, что обе ее родственницы с большим восторгом восприняли приглашение на бал в дом настоящего баронета. Тетушка намеревалась до мельчайших подробностей изучить обстановку особняка, чтобы потом посплетничать об этом со своими подругами, а Милдред надеялась заинтересовать собой сына какого-нибудь мелкого аристократа, которых так много в списке гостей. Генриетта своим поступком похитила и у тетушки, и у кузины по крайней мере половину радости, не в состоянии справиться с собой после того, как эта коварная мисс Уэверли вознамерилась поймать в свои силки еще одного ничего не подозревающего джентльмена.

Она принялась извиняться перед тетушкой и Милдред, а их ответы лишь подлили масла в огонь.

– Да мы и часа не провели бы в этой напыщенной компании, не будь мисс Твининг твоей подругой, – сказала тетушка Ледбеттер. – Я считаю, с ее стороны очень мило пригласить и нас вместе с тобой.

– Да, – вяло отозвалась Генриетта, – мисс Твининг очень милая девушка.

Джулия Твининг ей в самом деле нравилась. Эта девушка не смотрела свысока на лондонских родственников Генриетты и не отпускала унизительных замечаний относительно ее происхождения.

В отличие от некоторых других людей.

«Мне остается только гадать, где твоему отцу удалось отыскать таких родственничков? – искоса поглядывая на тетю Генриетты, заметил Ричард во время своего визита в дом Ледбеттеров. Он тогда сидел в гостиной, где все они находились сейчас. – Никогда не слышал о них до того момента, как тебе взбрело в голову заявиться в Лондон. Теперь же, познакомившись с ними, я ничуть не удивлен. Не то чтобы с ними что-то не так, в своем роде они вполне нормальные люди. Таких обывателей зачастую даже уважают, но я, приезжая в столицу, не стал бы общаться с подобными людьми. Если бы твой отец хоть ненадолго оторвал свой нос от книги, он бы тут же сообразил, что не стоит отправлять дочь к людям, которые не в состоянии представить ее никому значительному или отвести в такое место, где ее точно заметят».

Генриетта задавалась вопросом: неужели она действительно столь глупа, чтобы принять тираду Ричарда за проявление его беспокойства к себе? Да он ни капельки не переживал, лишь опасался, что она может впутаться в какую-нибудь историю и оскандалить его перед новыми умными лондонскими друзьями. Ведь она как-никак выглядит по-деревенски, и родственники у нее совсем незнатные.

Заталкивая в рот вторую половинку печенья, Генриетта утешала себя тем, что ей достало мужества возразить против презрительного высказывания Ричарда о ее отце.

«Ну откуда же папе знать, что делается в лондонском обществе, – твердо сказала она. – Тебе же известно, он в последнее время очень редко выбирается в столицу, только если пройдет слух о какой-нибудь редкой книге, которая должна появиться на рынке».

Как бы то ни было, она вынуждена признать, что частично обвинения Ричарда оправданны. Недели, проведенной в городе, хватило, чтобы понять, что тетушка Ледбеттер, выйдя замуж за предпринимателя, лишилась возможности посещать самые популярные светские салоны, как справедливо, хотя и презрительно заметил Ричард.

«В любом случае, – продолжила она тогда, не желая показывать разочарования, – если бы он и знал, счел бы свет довольно легкомысленным. Он никогда не судит людей по их рангу или состоянию, это тебе конечно же известно. Ведь тебе не раз доводилось слышать из его уст, что истинная ценность человека в его характере или интеллекте».

Генриетта потянулась еще за одним печеньем, радуясь тому, что заняла с Ричардом такую позицию, при этом все еще питая иллюзии на его счет. Но ничто не сможет заставить ее терпеть критику в адрес отца, из чьих бы уст она ни исходила.

Кроме того, отец и без того корил себя за то, что дочь достигла двадцатидвухлетнего возраста, а он до сих пор не предпринял ничего, чтобы подыскать ей мужа.

Когда Генриетта впервые несмело упомянула о том, что ей хотелось бы провести сезон в Лондоне, на его лице появилось слегка удивленное выражение, как всегда, когда ему приходилось сталкиваться с хозяйственной стороной жизни.

– Ты уверена, что уже достаточно повзрослела, чтобы задумываться о замужестве? – Он снял очки и положил их перед собой на письменный стол. – Разумеется, дорогая, если хочешь отправиться в Лондон, так и нужно поступить. Предоставь это мне.

– А ты… ты не забудешь?

Это очень на него похоже. Вместо того чтобы пожурить дочь за столь смелые слова, он лишь улыбнулся и заверил, что не забудет, ведь речь идет о таком важном обстоятельстве, как будущее единственной дочери.

И отец не забыл. Просто понимал все по-своему. У Генриетты духу не хватало разуверить его в том, как хорошо она проводит время в столице, поэтому письма домой были восторженными и туманными.

Миссис Криммер продолжала щебетать, Генриетта уже несколько минут не слышала ничего из того, что она сказала, всецело поглощенная в свои мысли и методичное поедание печенья из вазочки. На протяжении последних нескольких дней в ее голове снова и снова проигрывались события бала у мисс Твининг. Этот опыт оказался для Генриетты чрезвычайно болезненным, ибо она возлагала большие надежды и на бал, и на мисс Твининг. Она надеялась, что они смогут стать подругами. Мисс Твининг не обращала внимания на непопулярных родственников Генриетты и даже предложила ей называть себя Джулией. Вздохнув, она потянулась за последним печеньем.

Случившееся на балу в корне пресекло возможность того, что между ней и мисс Твининг может возникнуть дружба, даже если у них и есть что-то общее. А времени на то, чтобы это выяснить, не представилось, Генриетта покинула бал раньше мисс Уэверли, поэтому общество услышит и поверит ее версии развития событий. Девушке было отлично известно, что эта интриганка не упустит такого отличного шанса очернить репутацию соперницы.

Но Генриетте было все равно, больше не хотелось когда-либо снова выходить за пределы социального круга своей тетушки.

Какой в том смысл?

– Посмотрите, какой первоклассный экипаж, – заметил мистер Бентли, опирающийся о подоконник другого окна и развлекающий себя наблюдением за проезжающим мимо транспортом.

Этот молодой человек был приятелем младшего сына мистера Криммера. Генриетта считала, что его задача на сегодня не только в том, чтобы морально поддержать друга, пытающегося завоевать расположение Милдред, но и сопроводить его в ближайшую пивную по истечении положенного по этикету получасового визита, дабы помочь воспрянуть духом.

– И он завернул сюда, будто кто-то едет с визитом. Ого, так и есть! Этот человек направляется прямо к крыльцу!

Заслышав эти слова, тетушка Ледбеттер, к всеобщему удивлению, резво вскочила с дивана и в мгновение ока оказалась у окна.

– Боже! – воскликнул она, отталкивая в сторону мистера Бентли и выглядывая наружу. – Он обещал, что явится с визитом, но я и помыслить не могла, что он сдержит слово, даже невзирая на то, как обстоятельно он расспрашивал, где мы живем.

Генриетта замерла, не донеся до рта последнее печенье. Со своего места ей тоже был виден элегантный парный двухколесный экипаж, который остановился перед их домом, возничего она тоже узнала.

– Генриетта, дорогая, – молвила тетушка, поспешно разворачиваясь, чтобы смотреть племяннице в лицо, – возможно, мне следовало сказать об этом раньше, но… – Она замерла, заслышав стук дверного молоточка. – Лорд Дебен сказал, что может заглянуть к нам, чтобы убедиться, что с тобой все в порядке после… – Она оборвала фразу на полуслове, будто только что сообразила, что в ее гостиной полно народу. – После того, как тебе стало дурно на балу у мисс Твининг.

Доносившиеся из холла голоса сообщили присутствующим, что лорд Дебен уже в доме.

Миссис Ледбеттер поспешила обратно к дивану, присела и, расправив юбки, приняла скучающую позу, словно графы наносили ей визиты каждый божий день.

Все разговоры разом стихли, а взоры обратились на двери.

– Лорд Дебен, – провозгласил дворецкий Уорнес.

Он вошел в комнату и замер, презрительно осматривая собравшихся.

Генриетта разозлилась. Точно такое же выражение застыло на его аристократичном лице в доме мисс Твининг, будто он сам не мог до конца поверить в то, что почтил этот дом своим присутствием. В то время она еще не знала ни его имени, ни титула. Как бы то ни было, впечатление, которое он производил на окружающих, его собственное осознание этого и высокомерная манера уже снискали ему ее нерасположение.

Дебен обвел ничего не выражающим взглядом гостиную и заметил Генриетту.

– Мисс Гибсон, – произнес он, направляясь через комнату прямиком к тому месту, где она сидела. – Надеюсь, сегодня вы чувствуете себя лучше?

Генриетте стоило огромных усилий не бросить ему в лицо обвинение в том, что он напрочь лишен хороших манер, или язвительно поинтересоваться, уж не забыл ли он их сегодня дома. Ну какой воспитанный гость станет игнорировать и хозяйку, и гостей?

Правда, Ричард во время своего визита вел себя подобным образом, ставя себя много выше местного общества, не удостоив гостей тетушки ни единым словом, презрительно назвав их горсткой клерков и лавочников. В защиту хороших манер Ричарда Генриетта могла сказать лишь то, что он по крайней мере небрежно кивнул тетушке, прежде чем всецело сосредоточить внимание на ней.

Когда лорд Дебен склонился к ее руке, она не чувствовала себя польщенной. Похоже, он хотел поцеловать ей руку, но она не дала ему этого сделать, поднеся ее ко рту и демонстративно надкусив последнее печенье.

Милдред ахнула.

Выражение лица Дебена ничуть не изменилось.

– Вид у вас до сих пор несколько болезненный, – заметил он, поворачиваясь спиной ко всем прочим, тем самым исключая из беседы. – Мне следует отвезти вас на прогулку в парк. Это мигом вернет вашим щечкам румянец.

– Вам следует отвезти меня на прогулку в парк, – эхом вторила Генриетта, про себя возмущаясь тем, какой же он ужасный наглец.

Неужели думает, что ей недостанет ума заметить, как пренебрежительно он относится к ее дорогой тетушке? А если предположить, что она вообще не хочет с ним никуда ехать? Но не успела Генриетта сообщить ему, что никакая сила на свете не заставит ее покинуть гостиную в обществе человека, который явно считал себя слишком хорошим для местного общества, как мистер Бентли воскликнул:

– Я бы уж точно не упустил прекрасной возможности прокатиться в экипаже по парку, уж поверьте мне на слово! Как и посидеть рядом с вами, милорд. – Он послал Генриетте полный зависти взгляд. – Какая же вы счастливица!

Тяжелые веки лорда Дебена слегка опустились, а губы изогнулись в усмешке, когда он, повернувшись к Бентли, произнес:

– Я не имею привычки приглашать молодых джентльменов сопровождать меня на прогулке по парку в час модного променада.

Юный почитатель замолчал, залившись краской.

Генриетта подумала о том, что он и ее не пригласил, а скорее отдал приказание.

– Очень мило с вашей стороны пригласить Генриетту, – проворковала тетушка, посылая племяннице многозначительный взгляд. – Большая честь для нас, и так неожиданно. Ей потребуется совсем немного времени, чтобы подняться наверх, надеть капор и плащ. За спиной лорда Дебена послышались шелестящие звуки: миссис Ледбеттер энергично подавала племяннице знаки. – Не правда ли, дорогая?

А вот и нет. Как было бы хорошо, если бы она выставила этого графа прочь из дома, высказав ему все, что думает по поводу его манер, а не заискивала перед ним.

– Поторопитесь, – отрывисто сказал Дебен, которому наконец удалось схватить ее за руку и рывком поднять на ноги. – Не хочу, чтобы мои лошади простаивали.

Лошади простаивали! Что ж, этим замечанием он поставил ее на место. Благополучие собственных лошадей волнует его куда больше, чем ее чувства.

Да кем он себя возомнил? Как посмел явиться сюда и сознательно оскорблять всех вокруг?

Генриетта поспешно выскочила из комнаты, кипя праведным гневом, который полностью разогнал апатию, владевшую ею со времени бала, ей даже приходилось прикладывать огромные усилия, чтобы подняться утром с постели.

Негоже в самом деле заставлять лошадей ждать! Генриетта подчеркнуто громко поднялась по лестнице и ворвалась в комнату.

Она подскочила к своему изысканно украшенному платяному шкафу и рывком распахнула дверцу, кипя негодованием по поводу того, как граф осадил бедного мистера Бентли, который с мальчишеской восторженностью высказался о красоте лошадей. Точно так же поступили бы и ее братья.

А еще Дебен посмел игнорировать тетушку и кузину, все потому лишь, что они имеют отношение к торговле! Решил, что все люди одинаковы.

Что ж, она ему покажет одинаковость.

Быстро просунув руки в рукава плаща с плотно прилегающим верхом и пышной юбкой, Генриетта промаршировала по коридору в комнату тетушки и принялась безжалостно перебирать ее меха, пока не обнаружила лисицу. Перекинув мех через плечо, Генриетта бросила мимолетный взгляд в зеркало, чтобы убедиться, что лиса в самом деле совсем не сочетается с плащом, чего она, собственно, и добивалась. И отправилась в комнату Милдред, позаимствовала капор с высокой тульей, украшенный парой ярко-красных страусиных перьев. Этот головной убор Милдред получила лишь накануне.

Не прошло и пяти минут, как Генриетта снова появилась в гостиной. При виде ее Милдред широко раскрыла рот от удивления, а тетушка издала сдавленный вскрик.

Лорд Дебен, стоящий у окна рядом с мистером Бентли, склонил голову набок, лениво осматривая ее наряд.

– Вижу, яркие краски появились уже от одного предвкушения прогулки на воздухе, – нараспев произнес он. На лице при этом не дрогнул ни единый мускул.

– О да, – с улыбкой согласилась Генриетта, приближаясь к нему. – С нетерпением жду, чтобы меня увидели сидящей в экипаже рядом с вами, когда мы будем кататься по парку в час модного променада.

Поделом ему! Граф производил впечатление человека, который ни за что не допустил бы, чтобы его заметили в компании столь вульгарно разодетой особы. Возможно, он снизошел до приглашения на прогулку девушки, имеющей более низкое по сравнению с ним социальное положение, но хотя бы проследил за тем, чтобы его наряд выглядел безупречно. Познаний Генриетты в области мужской моды хватало, чтобы понять, что его одежда сшита очень дорогим эксклюзивным портным. Кроме того, граф совсем недавно побрился, на его щеках еще был виден блеск, который обычно сохраняется после бритья не более часа. Когда же он склонился к ее руке, Генриетта почувствовала исходящий от него запах масла бергамота.

– Приехав в город, я и подумать не могла, что мне будет оказана такая честь – прокатиться по парку со столь значительным человеком. Да еще и в таком… первоклассном экипаже.

Генриетта с радостью отметила, что лицо графа с каждой секундой становится все более непроницаемым.

– Когда вы в следующий раз нанесете нам визит, мистер Бентли, – улыбнулась она молодому человеку, который с ужасом переводил взгляд с безукоризненного графа на капор, украшенный страусиными перьями, – я непременно представлю вам полный отчет о прогулке.

Лорд Дебен жестом показал Генриетте следовать впереди него, и они удалились. Страусиные перья на капоре при этом подпрыгивали в такт ее воинственной походке.

Глава 3

Что из того, что граф вспомнил о хороших манерах и открыл перед ней дверь? Это ничего не значит. Возможно, ему хотелось как можно скорее покинуть общество людей, которых он ставил много ниже себя.

Подумаешь, он оказался отличным возничим! Его умение с показной легкостью маневрировать в плотном потоке дорожного движения, хотя Генриетта понимала, что на самом деле это требует значительных усилий, не делало его более привлекательным в ее глазах.

Она была почти благодарна Дебену за то, что, с тех пор как они въехали в ворота парка, он неизменно игнорировал людей, пытающихся привлечь его внимание. Тут она снова вспомнила о своем черном юморе, который почти рассеялся во время волнующе быстрой езды по оживленным лондонским улицам.

– А вас не так-то легко обнаружить, – неожиданно произнес Дебен. Генриетта уже начала думать, что их прогулка пройдет в молчании. – Во вторник я искал вас у Кардингтонов и Ленсборо, а вчера вечером у Суаффхемов, Пендльборо и Бонемов. Мне очень жаль это говорить, но сегодня я не смогу уделить вам много времени, хотя мне очень важно переговорить с вами с глазу на глаз о том, что произошло на балу той дебютантки, чье имя я сейчас не могу припомнить. Отсюда и ваше неожиданное похищение.

Дебен повернулся к Генриетте и наградил ее ленивой улыбкой.

Девушка почувствовала непонятный спазм в животе. Было в его улыбке что-то неодолимое, что почти заставило ее улыбнуться в ответ. Полный абсурд, особенно принимая во внимание то, как она была на него зла.

Генриетта отметила про себя, что граф даже не запомнил имени девушки, с которой она надеялась подружиться. Этого обстоятельства было достаточно для того, чтобы подпитывать ее ненависть к нему.

– Вечером во вторник, – парировала она, – я была на танцевальном вечере у Маунтджоев. Они торгуют вином, поэтому, полагаю, вам незнакомы. А вчера вечером мы ходили в театр с людьми, большинство из которых находились сегодня с гостиной, когда вы нанесли визит.

– Маунтджои… – Граф задумался. – Полагаю, кое-что я о них все же слышал. Подозреваю, именно они поставляют вино в мои погреба в Дебен-Хаус.

– Ничуть не удивлена. Они хвастаются тем, что находятся под покровительством нескольких высокопоставленных представителей высшего общества, хотя и не вхожи в их дома.

– Вот оно что.

– Прежде чем вы спросите меня о том, как мне посчастливилось оказаться на таком важном мероприятии, как дебютный бал мисс Твининг, поясню, это произошло исключительно благодаря моему брату Губерту, который служит в том же полку, что и ее брат Чарли. Чарли написал сестре, спросив, не сможет ли она нанести мне визит, ведь поначалу я никого в Лондоне не знала.

Было не похоже, что Дебен считал это важным мероприятием. Напротив, судя по выражению его лица, полагал его скучной обязанностью, и отправился туда, скорее всего, лишь из уважения к пожилой леди, которую сопровождал. В то время как Генриетте вечер не сулил ничего, кроме чистого восторга.

Что ж, ни один из них не получил того, на что рассчитывал.

Когда граф появился в бальном зале, Генриетта еще питала надежду встретить Ричарда. Мисс Твининг должна была и ему отправить приглашение, он также был дружен с ее братом Чарли. Поэтому Генриетта была совершенно уверена, что он непременно появится примерно

через полчаса, хотя бы для того, чтобы «засвидетельствовать свое почтение», если не сможет остаться на танцы. Она питала надежду, что, увидев ее одетой в лучшее лондонское платье и со стильной прической, Ричард поймет наконец, как она повзрослела. Увидит в ней женщину, которую следует воспринимать всерьез, а не одну из его детских подружек по играм, от которой можно с легкостью отмахнуться.

– Знай я, что вы поставлены в определенные условия, – ворвался в ее мрачные размышления о судьбоносном дне голос лорда Дебена, – нанес бы визит раньше.

– Вы знали об этом. Леди Чигвелл приложила немалые усилия, заявляя о том, что считает меня захватчицей, вторгшейся на чужую территорию.

– Я счел, что ее словами руководила злость, и не обратил на них внимания. Особенно после того, как справился о вас по энциклопедии и обнаружил, что вы обладаете более впечатляющей родословной, чем эта Чигвелл. Титулу ее мужа всего-то два поколения.

– Вы искали меня в энциклопедии?

– Разумеется. У меня не было ни малейшего намерения расспрашивать о вас людей, возбуждая тем самым любопытство относительно этого. Когда выяснил, что вы – мисс Гибсон из поместья Шубери, что в местечке Мач-Уэйкеринг, дочь сэра Генри Гибсона, ученого и исследователя, члена Королевского общества, я вполне закономерно предположил, что вы станете посещать те же самые мероприятия, что и большинство дебютанток вашего возраста, которые приезжают в Лондон на сезон. – Его губы скривились в презрительной усмешке. – Если бы знал, что вы поведете себя иначе, не пошел бы ни на одно из них.

Значит, он два вечера подряд посещал места, в которые по собственной воле никогда бы не пошел, только ради того, чтобы иметь возможность увидеть ее? А она вынуждает его кататься по многолюдному парку в час модного променада, одетая невозможно вульгарно.

Впервые за несколько дней Генриетта испытала чувство сродни веселью.

– Ах, как много времени вы потратили на меня! – воскликнула она, довольно поблескивая глазами.

– Но уж точно не потому, что меня поразило coup de foudre[4], – отрезал он. – Не вздумайте решить, что я питаю к вам сентиментальный или… романтический интерес. – Он наблюдал за Генриеттой краем глаза, скривив в усмешке губы.

– Еще чего! – вскричала Генриетта.

«Самодовольный франт! – мысленно добавила она. —

Неужели действительно считает, что все женщины Лондона от него без ума, раз мисс Уэверли вздумалось броситься ему на шею?»

– Спешу сообщить, мне не хочется привлекать к себе подобного рода внимание со стороны столь неприятного и грубого мужчины, как вы, – с жаром продолжила она. – Честно признаться, я и кататься с вами совсем не хотела. И отказалась бы, не хотела огорчать тетушку.

Лорд Дебен недовольно поджал полные губы. Никто никогда не осмеливался говорить с ним в таком тоне. Никто.

– Я не оставил вам выбора, не так ли?

– Я вообще этого не понимаю. Не могу взять в толк, по какой причине вам вообще понадобилось искать встречи со мной, выяснять подробности моего происхождения, забирать меня из дома подобным образом.

– Когда вы так наслаждались собравшимся обществом, – усмехнулся Дебен.

Генриетта заморгала. Неужели ее плачевное состояние так заметно?

– Мое состояние никак не было связано с присутствующими в комнате людьми. Они все очень милы и так добры, что открыли для меня двери своих домов.

---

[4] Удар молнии (*фр.*).

Дебен нахмурился. Он-то уже решил для себя, что тогда, на треклятой террасе, мисс Гибсон не испытала неприязни лично к нему, просто злилась на весь белый свет из-за того, что кто-то обошелся с ней несправедливо. Однако теперь ему пришлось изменить свое мнение. Предварительно изучив происхождение ее и ее отца, а также тех людей, с которыми она сейчас жила, Дебен не видел причины, по которой ее нужно насильно выдавать замуж. Ему еще только предстояло узнать, почему мисс Гибсон живет с предпринимателями в Блумсбери, когда у нее имеются всеми уважаемые родственники, которые могли бы представить ее ко двору. Сама девушка, похоже, вовсе не питала к ним враждебности за то, что они не ввели ее в высший свет. Она только что назвала этих людей милыми, намеренно акцентируя это слово, чтобы у Дебена не осталось никаких сомнений по поводу того, что он не входит в список симпатичных людей.

Словом, его первое впечатление оказалось правильным. Мисс Гибсон его невзлюбила. Дебен послал хмурый взгляд кучеру очень вычурного фаэтона с высокой посадкой, следующего в противоположном направлении, и так напугал бедного молодого человека, что тот чуть не съехал с дороги.

– Тогда смею предположить, что мрачные мысли, навевающие меланхолию, зародились в вашей голове как раз на балу мисс Твининг.

Дебен нахмурился еще больше. Он привык к неприязни со стороны собственных братьев и сестер, но ему никогда не приходилось водить знакомство с человеком, который, не будучи связан родственными узами, выказывал ему столь сильное нерасположение. Это представляло определенную проблему. Дебен был не намерен менять свое решение по поводу защиты мисс Гибсон от интриг мисс Уэверли, что бы эта коварная интриганка ни задумала, но полагал, что Генриетта примет его участие благосклонно. Как бы то ни было, это большая честь для нее, ведь еще ни разу в жизни он не беспокоился так о другом человеке.

Обычно люди сами искали его расположения. Если они не слишком утомляли, он, как правило, позволял им время от времени входить в свой круг до выяснения мотивов.

Дебен искоса посмотрел на свою спутницу, которая сидела, отгородившись от него невидимой стеной и гордо вздернув нос.

Уголки губ графа поползли вниз, пришлось приложить немало усилий, чтобы сдержать рвущиеся наружу проклятия. Какой бес в него вселился? Он ведь не хочет, чтобы эта девушка заискивала перед ним, не так ли? Он презирает подхалимов.

Должно быть, дело в том, что прежде ему никогда не приходилось прикладывать столько усилий, чтобы понравиться людям. Он вообще не имел представления, как это делается.

Выждать некоторое время, как он и делал? Отчего, черт побери, он вообще беспокоится о том, нравится ли он какой-то невыносимой девице или нет? Мнение других людей о себе его никогда не волновало, поэтому и до ее взглядов ему тоже нет дела.

Дебен придерживался этого решения до того момента, как мисс Гибсон повернула к нему лицо и, нахмурив брови, дрожащим голос произнесла:

– Ведь это же не так, правда? Прощу вас, скажите мне, что я не выгляжу так, будто мною владеет меланхолия.

– Что ж, мисс Гибсон…

– Потому что это не так. – Она выпрямилась, призывая на помощь этим жестом всю силу воли. – Совсем не так. Только бесхребетная плакса стала бы… – Она резко закрыла рот, будто почувствовав, что сболтнула лишнего.

Дебен же вдруг испытал желание остановить экипаж и заключить ее в объятия. Просто чтобы утешить. Она так отчаянно пыталась спрятать от всех свое разбитое сердце, что его собственные заботы отошли на второй план.

Разумеется, он не станет ее обнимать, поскольку менее всего подходит на роль утешителя женщин с разбитым сердцем. Обычно он выступал в качестве разрушителя сердец. Единственное утешение, которое он мог предложить женщине, было довольно жарким по своей природе. Принимая во внимание свою репутацию и сведения о мисс Гибсон, он не сомневался, что, попытайся он ее обнять, немедленно получил бы в ответ оплеуху, так как его действия были бы истолкованы превратно.

– Эта ситуация начинает меня утомлять, – произнес он. – Как бы я хотел, чтобы вы перестали притворяться, что понятия не имеете, по какой причине я искал встречи с вами.

– Но я и в самом деле не знаю, зачем вам это понадобилось. Я и не предполагала, что увижу вас снова после того, как покинула тот ужасный бал. Особенно когда узнала, что вы граф.

– Дважды граф, принимая во внимание мой ирландский титул. Немного найдется людей, подобных мне.

– Мне дела нет до того, сколько у вас титулов и в каких странах поместья. Я лишь хочу, чтобы вы оставили меня в покое!

– Ну-ну, тише, мисс Гибсон. Неужели считаете, я не воспользовался бы удачным случаем поблагодарить вас за то, что вы так отважно бросились мне на помощь?

– Поблагодарить меня?

И он прилагал столько усилий для того лишь, чтобы выразить благодарность?

Дебен наблюдал за тем, как она откинулась на спинку сиденья. Ее гнев улетучивался на глазах.

– Что ж… э-э-э…

– Мисс Гибсон, я действительно хочу от всего сердца сказать вам спасибо. Не будет преувеличением заявить, что вы спасли меня от участи, гораздо худшей, чем смерть.

– То есть женитьбы?

– Нет-нет, вы меня неправильно поняли. Если бы вы не вмешались, я просто бы отрекся от притязаний мисс Уэверли, а потом отступил на шаг назад, наблюдая за тем, как она совершит социальное самоубийство в попытке манипулировать мной, – пояснил он. – Нет абсолютно ничего, что заставило бы меня покорно пасть жертвой ее интриг. Я скорее достану пистолет и прострелю себе ногу.

– Ох.

Его заявление шокировало Генриетту, которая выросла с мыслью, что все джентльмены свято придерживаются некоего морального кодекса. Лорд Дебен только что признал, что позволил бы мисс Уэверли погубить свою репутацию, не пошевелив даже пальцем, чтобы это предотвратить.

– Ох? И это все, что вы можете сказать?

По непонятной причине Дебен только что открыл этой девушке то, в чем не признался бы больше ни единой живой душе, а в ответ лишь это восклицание?

– Нет. Я… я думаю, что понимаю теперь, почему вы пожелали поговорить со мной с глазу на глаз. Подобные… темы не подходят для того, чтобы… чтобы обсуждать их в людных гостиных.

– Вот именно. – Дебен и не подозревал, что придется приложить столько сил, добиваясь этого незначительного признания. – Отсюда и безжалостное похищение вас.

Граф вовсе не хотел говорить, что увез ее из дома большей частью потому, что его терзали подозрения. Нет ли какой-нибудь зловещей причины, по которой эту девушку отправили к таким родственникам? Подобные рассуждения свойственны скорее поклонникам готических романов, в которых беспомощная молодая женщина оказывалась в заточении и подвергалась тирании со стороны приемных родителей, и лишь отважный герой, как правило, имеющий титул, мог раскрыть коварный замысел и освободить ее.

– Я надеялся встретить вас на каком-нибудь светском приеме и незаметно умыкнуть в сторонку, чтобы поблагодарить.

– Ох.

Генриетте очень хотелось придумать какой-нибудь более умный ответ, в самом деле, что еще тут можно сказать? Никогда прежде ей не доводилось встречать столь эгоистичного жестокого человека.

За исключением, возможно, мисс Уэверли.

– Весьма сожалею, что невежливо обошелся с вашей уважаемой родственницей и ее гостями, но после обеда мне нужно будет работать над речью.

– Речью?

– Да. Для палаты лордов. Там сейчас проходят очень важные дебаты, и мне есть что сказать по этому поводу. Мой секретарь, разумеется, тоже в курсе дела, но если я хоть раз позволю ему написать за меня речь, у него может возникнуть впечатление, что я готов позволить ему оказывать влияние на свое мнение, а это вовсе не так.

Дебен нахмурился. С чего это ему вздумалось давать этой девушке объяснения? Прежде он никогда ничего подобного не делал. Так зачем начинать сейчас, уж не потому ли, что она смотрит на него оценивающим взглядом?

Перехватив этот хмурый взгляд, Генриетта сжалась от стыда. Ее тетушка бесконечно твердила о том, какой важный человек лорд Дебен и каким его все сочли великодушным, когда Генриетта «почувствовала себя плохо». Чем больше она его расхваливала, тем более острое чувство ненависти испытывала к нему Генриетта. Она решила для себя, что этот мужчина заносчивый и властный, привык смотреть на всех сверху вниз в силу своего титула и немалого состояния. Теперь же она осознала, что лорд Дебен в самом деле важный и, вероятно, влиятельный человек. И он только что сообщил ей о том, как серьезно относится к своим обязанностям.

Неудивительно, что он сильно раздосадован необходимостью катать по парку такую неэлегантную представительницу женского рода, в то время как его ожидают дела государственной значимости.

Также Генриетта решила, что ей следует быть признательной ему за то, какой он выбрал способ поблагодарить ее. Ей совсем не хотелось, чтобы кто-нибудь подслушал обрывки разговора о происшествии на террасе.

И менее всего люди, заставившие ее выйти на эту террасу.

– Прошу прощения за то, что истолковала ваше поведение… э-э-э… превратно, – сказала она. – Но вам не следовало так себя утруждать. К тому же я не могу понять, почему…

– Если вы помолчите хоть пять секунд, у меня появится шанс все объяснить.

По тому, как были напряжены его губы, можно было сделать вывод, что он едва сдерживается. Еще несколько минут назад Генриетта порадовалась бы при виде столь явного доказательства того, что ей удалось вывести его из себя.

Но только не теперь, когда у нее зародились подозрения о заблуждении в отношении графа. Помимо этого, она намеренно приписывала ему обвинения, которые в действительности следовало бы адресовать Ричарду.

Ее неприязнь к лорду Дебену возникла в ту минуту, когда он вышел на террасу, нарушив тем самым столь желанное ей уединение. Пришлось поспешно прятаться за горшками с растениями. При этом она пребольно ударилась коленкой и послала в его адрес цветистое проклятие. Вспомнив выражение лица мужчины, когда он только прибыл на бал, Генриетта решила, что он ничуть не лучше Ричарда. С тех пор она стала испытывать к нему ненависть, хотя в действительности совершенно ничего не знала о его истинном характере.

Демонстративно захлопнув рот, она воззрилась на Дебена широко раскрытыми глазами, выказывая готовность внимательно слушать.

Складки в уголках его губ слегка разгладились. Это свидетельствовало о том, что он заметил ее проявление покорности.

– В тут ночь вы приобрели в лице мисс Уэверли врага, – сказал он. – А так как вы бросились мне на выручку, я счел себя обязанным предупредить вас. Если ей выпадет шанс причинить вам зло, она непременно им воспользуется.

– И это все?

Генриетта, видимо, расслабилась и откинулась на спинку сиденья.

– Не нужно недооценивать мои слова, мисс Гибсон. Мисс Уэверли чрезвычайно целеустремленная молодая леди. Да вы и сами имели возможность убедиться в этом.

С той самой ночи Дебен вспоминал мисс Гибсон как само олицетворение осени. Этому впечатлению способствовали ее растрепанные волосы и то, как быстро она сумела подавить гнев, не всколыхнув окружающей атмосферы. Он решил, что глаза у нее карие. Когда оказалось, что это не так, он ничуть не удивился, ибо все в этой девушке не соответствовало его ожиданиям. Как только ему начинало казаться, что он сумел проникнуть в ее суть, открывалось что-то новое.

Какой разительный контраст с мисс Уэверли! Все интриганки в его мире удивительно похожи одна на другую и невероятно предсказуемы.

– Она ни перед чем не остановится, преследуя свои цели. Не хотелось бы мне стать свидетелем того, как ее разрушительная целенаправленная решимость обернется против вас.

– Она больше ничего не сможет мне сделать, – угрюмо отозвалась Генриетта.

Мисс Уэверли, сама того не ведая, уже причинила ей самый ужасный вред.

Генриетта не пробыла в бальном зале и десяти минут, как заметила Ричарда. Хотя он уверял, что не намерен выступать на балах в качестве ее сопровождающего, все же пришел, облаченный в изысканный костюм. Его фрак идеально подчеркивал ширину плеч, бриджи до колена и шелковые чулки плотно облегали мускулистые бедра и икры. Обернувшись, он улыбнулся Генриетте и направился к ней.

Сердце гулко забилось в груди. Неужели это тот самый момент? Момент, когда он скажет, что она никогда еще не выглядела столь прекрасно, удивится тому, как это всегда считал танцы ужасной потерей времени и растратой энергии, ведь на самом деле ему ничего на свете не хочется сильнее, чем заключить ее в свои объятия…

Вместо этого Ричард сказал, что очень удивлен увидеть ее здесь.

– Твининги стоят выше твоей тетушки, не так ли? Что ж, не стоит расстраиваться, если никто не пригласит тебя танцевать, курочка. Люди здесь гораздо больше внимания обращают на внешность, чем в деревне.

– Но ты же потанцуешь со мной, не так ли?

– Я? – Ричард состроил гримасу. – С чего ты взяла? Это чудовищное расточительство времени, если хочешь знать мое мнение.

– Да, но ты ведь обещал Губерту, что присмотришь за мной, пока я буду в столице.

Нахмурившись, он потер подбородок.

– Да, я дал Губерту слово. Знаешь, что я сделаю? Буду сопровождать тебя на ужин. Но прямо сейчас я не могу уделить тебе внимание, потому что меня ожидают приятели играть в карты. Но позднее, за ужином, мы с тобой обязательно увидимся, обещаю, – добавил он, быстро пятясь прочь от Генриетты.

Так быстро, что столкнулся с мисс Уэверли, которая, так уж случилось, проходила мимо.

– Чертовски сожалею! – воскликнул Ричард, отпрыгивая назад и наступая Генриетте на ногу.

Она изо всех сил сдерживала крик, так как ненавидела проявление малодушия в любом виде. К тому же в детстве ей приходилось терпеть и более сильные тычки от братьев и их друзей.

Впоследствии она пожалела, что не подняла шум.

– Надеюсь, я не напугал вас, мисс… – произнес Ричард, в то время как мисс Уэверли холодно осматривала его с головы до ног. – Какой же я неуклюжий. Позвольте мне загладить свою вину и принести вам чего-нибудь выпить.

Генриетта кипела от негодования. Ей он не предлагал напиток! И вообще заявил, что есть вещи важнее, чем танцы с ней. Но когда мисс Уэверли улыбнулась ему, его лицо и шея покрылись жарким румянцем. Она протянула ему руку и проворковала, что не откажется от бокала лимонада, здесь так жарко, а танцы лишь усиливают жажду.

И Ричард с радостью кинулся выполнять ее просьбу.

В довершение всего двадцать минут спустя, сидя в сторонке с другими девушками, которых никто не приглашал, Генриетта заметила, как Ричард повел танцевать мисс Уэверли. На лице его при этом застыло выражение очарования.

Именно тогда Генриетта поняла, какой оказалась дурой. Она последовала за Ричардом в город в надежде, что ей наконец-то удастся обратить на себя его внимание. Стала жить с людьми совершенно незнакомыми до того момента, пока не переступила порог их дома, потратила целое состояние на модисток и галантерейщиков, согласилась подвергнуть себя болезненным процедурам во имя женской красоты. Все тщетно. Ричард отказывался видеть в ней женщину, в то время как одного взгляда на прекрасную мисс Уэверли оказалось достаточно, чтобы пасть к ее ногам!

Наблюдать за тем, как они подстраивают свои шаги друг под друга, оказалось для Генриетты чересчур болезненным. Она испытывала боль в сердце, а глаза начало пощипывать. Леди ни в коем случае не следует заливаться слезами прямо в бальном зале, но Генриетта поняла, что не сумеет справиться со своими эмоциями, если останется здесь, наблюдая, как Ричард танцует с другой женщиной, в то время как ее саму отказывается даже проводить куда-либо! Или уделить минутку своего драгоценного времени на разговор с ней, когда его ожидают друзья играть в карты!

Ричард даже не вспомнил, что пообещал вести ее к столу. Теперь его внимание было целиком сосредоточено на мисс Уэверли.

Прежде чем кто-либо заметил ее душевное состояние, Генриетта поспешно покинула бальный зал и бросилась бежать куда глаза глядят, не разбирая дороги. Она рывком распахивала двери и с силой захлопывала их за собой, чтобы только заглушить веселые звуки музыки, которые, казалось, самим своим звучанием насмехаются над ней.

Каким-то чудом ей все же удалось выйти на свежий воздух, но она по-прежнему слышала музыку, под которую они танцуют. Она подошла к окнам, свет из которых лился на каменные напольные плиты террасы, хотя точно знала, что, если посмотрит внутрь, снова увидит их вместе. И им дела нет до того, что она где-то рядом мокнет под дождем и замерзает.

Лишь убедившись, что никто ее не видит, Генриетта дала волю слезам.

Выплакавшись, взяла себя в руки и собралась вернуться обратно в бальный зал, будто ничего особенного не произошло. Меньше всего ей хотелось, чтобы кто-то догадался о том, что она страдает от неразделенной любви, ведь это так жалостливо. Если бы Генриетте встретилась девушка, плачущая потому, что понравившийся ей мужчина танцует с другой, более красивой девушкой, в ее сердце не всколыхнулось бы сострадание. Она бы посоветовала этой воображаемой страдалице сохранять гордость и проявить твердость. Для этого следовало, осушив слезы, вернуться в бальный зал и самозабвенно протанцевать остаток вечера.

К сожалению, от осознания того, что она поступилась всеми своими принципами ради Ричарда, на глаза Генриетты снова навернулись слезы. Как она позволила ему так обращаться с собой? Она ненавидела саму себя за то, что бегает за мужчиной, а еще больше за полное отсутствие женственности. Надеть красивое платье и уложить волосы оказалось явно недостаточно. У нее не было обаяния, присущего Милдред или мисс Твининг, не говоря уже о мисс Уэверли.

Когда вторая волна слез пошла на спад, на террасе появился лорд Дебен.

Генриетта тут же осознала, что если и есть что-то похуже проявления слабости и слез посреди бального зала, так это когда мужчина, подобный ему, застанет тебя плачущей в одиночестве. Это она поняла раньше, когда увидела, как его полуприкрытые глаза осматривают гостей с плохо скрываемым презрением. Генриетта вовсе не намеревалась предоставлять ему возможность посмеяться над ней лично, когда она была не в состоянии справиться с ситуацией.

Все же сейчас ей вспомнился момент, когда лорд Дебен подставил свое непроницаемое лицо под струи дождя, будто стремясь смыть что-то. Она тогда задумалась, не гложет ли и его печаль, столь же всеобъемлющая, что и ее собственная. Но затем он вынул часы и повернулся к свету, посмотреть, который час. Генриетта никогда не видела мужчину более непостижимого, изнывающего от скуки и столь непреклонного.

Испытав к нему внезапный прилив сочувствия, она задалась вопросом: какая печаль выгнала его под дождь? И очень радовалась, что он ее не заметил. Такому мужчине не понять, зачем она сбежала и оплакивала свое разбитое сердце. Скорее всего, он просто посмеялся бы над ней.

– Мисс Гибсон, – твердо произнес Дебен. – Не будете ли вы столь любезны слушать внимательно?

– Приношу свои извинения, – покаянно отозвалась она. – Я задумалась.

– Я заметил, – презрительно хмыкнул он.

Он не только заметил, но и очень разозлился столь явному невниманию, поскольку привык, чтобы люди ловили каждое сказанное им слово. В особенности женщины.

– Смею предположить, вы заново переживали ситуацию, в которой мисс Уэверли заставила вас поверить, что больше не представляет для вас опасности. Поверьте мне, вы заблуждаетесь.

– Я заблуждаюсь, а вы всегда правы, вы это хотите сказать? Даже не пытайтесь уверить меня, что знаете, о чем я думала.

– Ну, это совсем не трудно. У вас очень выразительное лицо, а я наблюдал за всеми отражающимися на нем эмоциями. Томление, отчаяние, гнев, после чего вы решительно вздернули подбородок, я сразу уверовал, что вы намерены не дать ей себя победить.

– Все… совсем не так… – запинаясь, возразила Генриетта.

– И сердце у вас, значит, не разбито? Не вы ли мне говорили, что только бесхребетная плакса может дать волю слезам?

Заслышав из уст Дебена собственные слова, Генриетта поморщилась.

– Возможно, я сказала больше, чем следовало бы, по чрезвычайно личному вопросу… – Она никому не рассказывала о Ричарде, и, если повезет, ей удастся и дальше скрывать от всех эту печальную историю. – Но это не дает вам права насмехаться надо мной.

– Насмехаться над вами?

Он наградил ее пронзительным взглядом. У нее очень расстроенный вид, и его раздражение по поводу того, что она думает о чем-то своем, вместо того чтобы внимательно слушать его, быстро улетучилось.

– Ничего подобного. Я восхищаюсь вашим боевым настроем. Если кто-то попытается одержать над вами верх, вы немедленно дадите отпор, не так ли? Точно так же, как вы воз-

никли из-за тех горшков с цветами, чтобы заступиться за меня, решив, что ситуация складывается не в мою пользу.

«Никто никогда не делал для меня ничего подобного», – мысленно добавил он.

Хотя сейчас она и пожимала плечами, будто ничего особенного не произошло, но не стала отрицать, что ее поступком руководило некое… сочувствие к нему, желание помочь.

Осознание этого вызвало в Дебене странное ощущение. В действительности ему бы следовало оскорбиться. Виданное ли дело, мисс Гибсон решила, что он нуждается в помощи! Но он почему-то совсем не испытывал подобного чувства. Когда он смотрел на нее, она не вызывала раздражения, он же ощущал в душе теплоту к единственному человеку, попытавшемуся бескорыстно защитить его.

– И теперь я у вас в долгу, мисс Гибсон, а я привык отдавать долги. Поэтому я хочу стать вашим другом.

Заслышав эти слова, девушка удивленно заморгала.

– Так вот, повторяю, мисс Уэверли непременно попытается причинить вам зло при первом же удобном случае. Она из тех, кто без угрызений совести воспользуется своим положением в обществе, чтобы не позволить вам добиться цели, которую вы поставили перед собой, приехав на сезон в Лондон.

Генриетта горько рассмеялась.

Лорд Дебен бросил на нее резкий взгляд.

– Вы хотите сказать, она не сможет навредить вам еще больше. Неужели уже отомстила? Проклятие! Не ожидал, что она окажется настолько проворной.

– Нет… Вы не понимаете…

Генриетта полагала, что, объясни она ему все, он не поймет. Не такой человек. Он может сколько угодно уверять, что является ее другом, но при этом остается тем, кто заявил, что просто останется в сторонке наблюдать за тем, как женщина совершает социальное самоубийство, нежели чем поступит как настоящий джентльмен.

– Прошу вас принять как должное тот факт, что мисс Уэверли не сумеет предпринять ничего хуже того, что уже сделала. Я искренне благодарю вас за заботу, однако нет нужды и дальше продолжать эту… экскурсию.

Они как раз приближались к повороту, за которым находился выход.

До того как они оказались в парке, Дебен решил, что уделит мисс Гибсон ровно столько времени, сколько требуется, чтобы выразить благодарность, предупредить об опасности и предложить помощь. Он думал, одного круга по парку будет вполне достаточно.

Однако вместо того, чтобы направить экипаж в ворота, Дебен начал еще один круг.

Только он, а не эта нахальная, неблагодарная непостижимая мисс Гибсон, будет решать, когда закончить прогулку.

Глава 4

– В ту ночь вы поехали домой. С тех пор не появлялись ни на одном из приемов, где мисс Уэверли считает себя королевой. Следовательно, что бы она вам ни сделала, это случилось до того, как вы поспешили мне на помощь.

Королева? О да, самое подходящее для мисс Уэверли определение. Генриетта наблюдала за ней всего один вечер, эта девушка, несомненно, воспринимала восхищение мужчин как нечто само собой разумеющееся. А такие влюбчивые деревенские молодые люди, как Ричард, и вовсе, похоже, выстраивались в очередь, чтобы признаться, как они очарованы ею.

Генриетта презрительно скривила губы.

– Ага! Похоже, я попал в яблочко! И не пытайтесь это отрицать. Мисс Уэверли сделала что-то такое, отчего вы уединились поплакать.

Генриетте никогда не приходилось видеть улыбки более циничной, чем у лорда Дебена.

– А потом вам выпал шанс поквитаться с ней, – продолжал он, презрительно улыбаясь, – и вы воспользовались им.

Генриетта хотела было запротестовать, дескать, ничего подобного и в мыслях не было. Но вспомнила свои размышления о том, что не позволит мисс Уэверли поймать в свои силки еще одного ничего не подозревающего джентльмена.

Она откинулась назад, нахмурив брови. Неужели она в самом деле пресекла попытку скомпрометировать Дебена потому лишь, что завидовала и злилась? Она ужаснулась, осознав, что ее поступками могли руководить столь низменные побуждения.

Потрясенная, Генриетта отказалась от попытки мысленно воспроизвести произошедшее на террасе еще раз, но с другой девушкой – не мисс Уэверли – в главной роли.

Ей было трудно объективно оценить ситуацию, потому что в ту ночь она действовала, особо не задумываясь, лишь реагируя на разворачивающиеся события. Поначалу, узнав мисс Уэверли, она удивилась тому, что не заметила, как прекратилась музыка, ведь присутствие той на террасе явно свидетельствовало о том, что ее танец с Ричардом окончен. Генриетта бросила взгляд на дверь, через которую мисс Уэверли вошла, с ужасом думая о том, что и так уже достаточно вытерпела этим вечером. Не хватало только, чтобы на террасу вышел Ричард, невольно делая ее свидетельницей тошнотворной романтичной сцены.

К тому моменту, как Генриетта осознала, что никто не идет за мисс Уэверли по пятам, эта бесстыдная девица уже бросилась на шею лорду Дебену в надежде вызвать какой-то отклик с его стороны.

Ее попытка увенчалась таким же успехом, что и попытка самой Генриетты с Ричардом. Дебен не польстился на нее. Вел себя так, будто находил ее настойчивые попытки заинтересовать себя отталкивающими. Генриетта возликовала, когда он упрекнул мисс Уэверли в недостойном поведении.

Затем двери террасы распахнулись, появилась мать мисс Уэверли, и Генриетта разозлилась не меньше графа, инстинктивно среагировала на ситуацию. Ненависть к мисс Уэверли вскипела в ней с новой силой, и она выскочила из укрытия, бурля от негодования.

– Вы заблуждаетесь на мой счет, – возразила Генриетта.

На мгновение граф заставил ее усомниться в себе, но, более тщательно изучив свои побуждения, она пришла к утешительному заключению, которое и поспешила сообщить ему.

– Я поступила бы точно так же, если бы заметила любую женщину, пытающуюся поймать мужчину в ловушку брака столь низким способом, – с жаром заверила она. – Это же совершенно ужасно!

Граф смерил ее проницательным взглядом:

– Однако, смею заметить, вы не отрицаете того, что плакали из-за чего-то, что она сделала вам ранее.

Генриетта подумала о том, как раздражает ее его умение столь мастерски читать мысли и смотреть при этом так, будто она для него открытая книга с презренным содержанием. Она выпрямилась и бросила на него ответный взгляд, в который также постаралась вложить как можно больше высокомерия.

– Я так и знал, – удовлетворенно произнес он. – Так что же она сделала? Похитила мужчину, в которого вы, как вам кажется, влюблены?

Лорд Дебен не просто невыносим, он определенно заслуживает презрения! По усмешке, которая то и дело появлялась на его губах, Генриетта догадалась, что он станет высмеивать любого, способного на проявление столь возвышенных чувств.

– К-кажется, влюблена? – Она запрокинула голову и попыталась рассмеяться. – Не глупите, это совсем не так.

Лорд Дебен победно улыбнулся.

– Не я веду себя глупо. – Он посмотрел на страусиные перья на капоре, которые колыхались в такт движениям головы. – Хотя, возможно, вас утешит, что множество девушек вашего возраста забивают себе головы романтическими бреднями.

– Моя голова не…

Но он продолжил говорить, не обратив внимания на ее слова:

– С момента моего знакомства с мисс Уэверли не прошло и пяти минут, как я понял, что она привыкла, чтобы мужчины падали перед ней ниц.

«Верно», – угрюмо подумала Генриетта. В то время как ее голова была забита романтическими мечтаниями о древнегреческих героях, прекрасная мисс Уэверли очаровывала мужчин-современников.

Генриетта отвернулась, чтобы не видеть издевки в скучающих карих глазах лорда Дебена.

– И она это очень приветствует, – ответила Генриетта дрожащим от наплыва эмоций голосом. – Если мужчины не видят ничего, кроме ее привлекательной внешности, то они все идиоты. Тот, кто с легкостью попадает в когти этой кошки, уж точно не станет тем, за кого… ну… – ее голос понизился до шепота, – я вышла бы замуж.

– В самом деле, не нужно, – подтвердил лорд Дебен. – Ни один мужчина, способный моментально переключить свое внимание с вас на интриганку вроде нее, не стоит вашего внимания.

Она решила, что своими словами он хочет заставить ее почувствовать себя лучше, но это лишь напомнило ей о постоянной неуверенности в чувствах Ричарда к ней. Он никогда не выказывал заинтересованности, помимо признания, что она сестра его лучшего друга. И так продолжалось вплоть до прошлого Рождества, когда он схватил ее в охапку, затащил под висящий над дверью венок из омелы и жарко поцеловал.

Все мечты Генриетты о Ричарде начинались с этого единственного удивительного случая. До тех пор она считала его всего лишь невероятно красивым другом своего брата Губерта.

А потом… Она съежилась под лисьим мехом в надежде, что он каким-то образом сможет оградить ее от пронзительного взгляда лорда Дебена. Ричард ничем не подтвердил то, что Генриетта приняла за выражение его заинтересованности, тогда она сама, отринув стыд, отправилась за ним в Лондон.

Но это уже в прошлом. Она не намерена больше тратить время на мужчину, который оказался настолько глуп, что не заметил девушку прямо у себя под носом. В Лондоне для нее и без того развлечений предостаточно: лекции, выставки и множество интересных людей, с которыми можно побеседовать. У них имеется голова на плечах, и они умеют распоря-

жаться своими мозгами, применяя их на благо коммерции, а не праздно тратя унаследованное состояние на сомнительные развлечения.

Все же ей не удалось подавить вздох.

– Мисс Уэверли невероятно красива. И обладает чувством собственного достоинства. Ей достаточно всего лишь улыбнуться мужчине, чтобы вскружить ему голову.

Дебену не понравилось внезапно нахлынувшее на Генриетту уныние. Ему казалось неправильным, что она сравнивает себя с подобной женщиной и явно не в свою пользу.

– Ну, мне она голову точно не вскружила, – твердо заявил он. – Совершенно не впечатлила.

«Да, – с удовлетворением подумала Генриетта. – Он постоянно подчеркивает свою неприязнь к этой девушке».

Обрадованный тем, что ему удалось подбодрить собеседницу, Дебен продолжил:

– Вообще, смею заметить, она не более привлекательна, чем вы.

Он понимал, что ей недостает уверенности в себе, поэтому решил помочь.

– Что вы сказали?

Когда Генриетта повернула к нему озадаченное лицо, он наградил ее внимательным напряженным взглядом.

– Я не утверждаю, что вы писаная красавица, при этом, хочу заметить, способны не менее мисс Уэверли вскружить мужчине голову. Стоит только приложить чуть больше усилий.

– Не красавица… – успела она вымолвить, прежде чем в горле образовался ком.

– Вам достаточно всего лишь сравнить себя с ней и понять: я прав. Кроме того, будучи экспертом по части того, что именно делает женщину привлекательной в глазах мужчины, говорю: вы не лишены потенциала.

– То есть хотите сказать, на мне рано ставить крест?

– Вот именно. – Он снова лениво окинул взглядом ее лицо. – У вас поразительно здоровый цвет лица, отсутствует нежелательная растительность. Вы обладаете прекрасными выразительными глазами и здоровыми прямыми зубами. Как ценитель женской красоты не могу не сокрушаться, что ваш нос непропорционально велик относительно прочих черт лица, и все же я не вижу причины, препятствующей, выражаясь вашими же словами, «вскружить голову мужчине» не слишком притязательного в своих устремлениях.

– Вы… – Генриетта сжала кулаки, едва сдерживаясь. – Вы самый отъявленный грубиян, которого мне когда-либо приходилось встречать.

– Я не грубый, а честный. Как же типично со стороны женщины уцепиться за единственное качество из огромного перечня комплиментов, которое может быть истолковано как оскорбление, и обидеться.

– И как же типично со стороны мужчины сделать унылый комплимент, который ни одна женщина, обладающая хоть каплей гордости, не расценит иначе как оскорбление!

– Мисс Гибсон, я только что похвалил ваш цвет лица, глаза и зубы, сказал, что при правильной подаче вы имеете шанс заинтересовать собой восприимчивого мужчину, вы же тем не менее упрямо цепляетесь за недостаток, которым – не смейте это отрицать – обладаете.

Они второй раз подъезжали к Камберлендским воротам.

– Отвезите меня домой, – решительно произнесла Генриетта. – Я требую, чтобы вы немедленно доставили меня домой и никогда, никогда больше не смели докучать своими визитами.

Лорд Дебен недоверчиво воззрился на нее сверху вниз. Он привык к тому, что женщины ищут встреч с ним, заискивают, посылают томные взгляды в жарких бальных залах и украдкой суют записочки с указанием того, где их можно найти в случае, если он пожелает познакомиться поближе с их чарами.

А еще женщины подстерегают его на террасах в стремлении женить на себе.

Ни одна из них до сих пор не говорила ему, что он груб, не пыталась отделаться высокомерным кивком и требованием, чтобы ее отвезли домой.

Естественно, он повел экипаж мимо выхода из парка, намереваясь сделать третий круг.

– Прогулка закончится, когда я захочу, – отрывисто сообщил он. – А если пожелаю нанести вам еще один визит, кто меня остановит? Ваша тетушка? Не осмелится.

Генриетта ушам своим не верила. В начале прогулки граф сообщил, что не намерен тратить на нее драгоценное время.

– Вы омерзительны, – прошипела она. – Вам не более чем мне хочется продолжать прогулку. И я ни на йоту не верю, что вы захотите снова меня увидеть. Вы привыкли вести себя агрессивно, потому что вы… вы задира.

– Задира, согласно определению, это человек, который ради собственного удовольствия обижает тех, кто заведомо слабее его, – рявкнул Дебен. – Я никогда не пытался обидеть вас. Более того, все мои действия нацелены вам во благо. Чем больше времени я провожу в вашем обществе, тем прочнее утверждаюсь в мысли, что вам требуется человек, который присматривал бы за вами. У вас, похоже, напрочь отсутствует инстинкт самосохранения. Болтаете все, что приходит в голову, не думая о последствиях, к которым приведут подобные действия. Очертя голову бросаетесь в ситуации, выходящие далеко за рамки вашего понимания. Ваша наивность просто поражает.

– Вы единожды стали свидетелем моей импульсивности, – парировала Генриетта. – Поверьте, я глубоко раскаиваюсь, что вмешалась тогда… Нет, вообще-то нет… – Она вздернула подбородок и вызывающе воззрилась на Дебена. – Нет, вовсе я даже не раскаиваюсь. Я терпеть не могу мисс Уэверли и сомневаюсь, что когда-либо сумею полюбить. Но я не смогла бы дальше жить в мире с самой собой, если бы вы погубили ее репутацию, не подозревая даже, что я все видела и могла предотвратить, если бы проявила инициативу.

– Что вы сказали?

– Думаю, вы меня услышали. Для пущей ясности соглашусь, возможно, мои действия и показались вам наивными и необдуманными, но по крайней мере хороший результат налицо.

– О боги, теперь вы говорите, точно… пуританка. Словно вам с детства привили веру в существование некоего древнего кодекса чести с возрождения монархии.

– Меня воспитали с мыслью о том, что нужно всегда говорить правду, ценить честь и благопристойность. И в этом нет ничего необычного.

Дебен весело рассмеялся:

– Эти слова лишь подтверждают вашу наивность. Вы отчаянно нуждаетесь в защитнике. Я живу на свете гораздо дольше и вращаюсь в разных кругах, но до сих пор ни разу не встречал человека, который ставил бы подобные ценности превыше собственных корыстных интересов. Если бы вы не назвали мисс Уэверли кошкой, я бы не захотел иметь с вами ничего общего, ибо терпеть не могу ханжества и лицемерия.

– Я вовсе не ханжа! И не лицемерка! Я…

– Очень хорошо, – перебил Дебен. – В таком случае отпускаю вам этот грех. Грех, – горько рассмеялся он. – Да кто я такой, чтобы отпускать кому-либо грехи? Ведь если верить словам того, кто считает себя экспертом в этой области, я самый страшный грешник современности.

– Неужели? – Генриетта густо покраснела при упоминании ее опрометчивых слов и поспешно попыталась загладить грубый промах. – Я имела в виду… Ну, любой человек мог бы заявить то же самое.

– Викарий, по обыкновению, считает, что, стоя за кафедрой, он обладает некоторым влиянием. А поскольку он, так уж случилось, еще и мой брат, то без всяких угрызений совести публично порицает меня. Просто для разнообразия.

Для разнообразия? Генриетта нахмурилась.

– Если в его привычке… хм… прилюдно порицать вас, почему вы посещаете проповеди?

– Идиотское мнение о том, что мое присутствие на его первой проповеди в церковном приходе, где он служит за жалованье, сможет помочь нам заделать брешь в отношениях.

В действительности Дебен убедился, что семена ненависти, посеянные отцом, когда они с братом Уиллом были еще маленькими, пустили такие глубокие корни, что даже так называемых христианских чувств брата оказалось недостаточно, чтобы простить и забыть. Лицо Уилла перекосило от ярости, когда он распинался о прелюбодеянии и супружеской измене. Кульминацией проповеди стал злобный взгляд и заверение в том, что землю унаследуют лишь те, в чьих душах живет смирение.

Что ж, так-то оно так, но Уилл уж точно не унаследует отцовского состояния, несмотря на то что им с женой уже удалось зачать ребенка. Дебен понимал, что ему придется жениться и произвести на свет наследника, но нежелание оказаться до конца дней своих прикованным к женщине вроде его матери заставляло его мешкать.

О, эта женщина! У него могли бы быть настоящие братья и сестры, если бы она обладала хоть каплей благопристойности. Если бы потрудилась оградить хоть одного из своих детей от злобы отца, они сейчас могли бы по крайней мере относиться друг к другу с большей терпимостью. Однако предложение Дебена о мире, которое он сделал Уиллу на проповеди, было обращено против него.

Что ж, раз Уилл так жаждет войны, он ее получит. Дебен решил, что просто обязан немедленно забыть о своем отвращении к женскому полу вообще и женам в частности, его первоочередная задача – обзаведение потомством. Ему нужен всего один законный сын.

При виде выражения лица лорда Дебена у Генриетты екнуло сердце, и она сжала поручень, чтобы удержать руки при себе. Брат больно ранил его, прилюдно подвергнув осуждению. Мужчины не привыкли признаваться в том, что тоже способны испытывать боль. Но это, несомненно, объясняло, отчего граф вдруг подстегнул лошадей, принудив нестись с бешеной скоростью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.